Тайна Моники Джонс

Автор:
Кэтрин Блэк

Тайна Моники Джонс

Кэтрин Блэк

В сонном городке Эмброуз сгущаются мрачные тени: убийства школьников, прикрываемые несчастными случаями, грозятся стать обыденным делом. Вскоре юная Элисон узнаёт, что происходящее ведёт к проекту, в котором проводились незаконные эксперименты в теперь уже заброшенных шахтах.

А после таинственного исчезновения её лучшей подруги, становится совершенно ясно – это только начало…

Кэтрин Блэк

Тайна Моники Джонс

И познаете вы истину, и истина сведет вас с ума.

Олдос Хаксли

Как утверждал один незаурядный писатель, заканчивать истории трудно, ведь все должно свестись к чему-то одному, и именно поэтому концовки невыносимы. Мне же тяжело рассказать о случившемся, так как я толком не знаю, с чего все началось. Когда появилась та точка отсчета, которая втянула меня в порочный круговорот секретов городка Эмброуз. А потом я осознала, что для меня в любом случае история началась с нее, с Моники. Всегда и везде была она.

«От меня пахнет дешевым виски, а от нее проблемами. Я делаю ей двойной сухой мартини, не снимая плаща и шляпы. Играет саксофон, и под стоны блюза начинается косой дождь. Девушка не доживет до утра и будет убита на рассвете – слишком много знает, видела лишнее. Влиятельный любовник, чье имя не произносят в номерах обшарпанных мотелей, просто не сможет оставить ее в живых и прострелит красотке голову лично. Дело свалят на меня, но, когда я выйду, Чикаго окрасится в алый цвет. Гнилые полицейские, продажные свиньи судьи и просто каждый причастный к этому ублюдок – все получат свое. Черно-белый город… а пока я буду наслаждаться изгибами ее идеального тела, моля, чтобы виниловая пластинка не умолкала…»

– Он что, только что заспойлерил весь фильм? Почему в главной роли не Том Харди? Актриса так себе. И что, два часа фильма будут идти под его комментарии?

Смотреть кино в компании Эмбер всегда было невыносимо. И я не понимаю, почему в тот вечер мы решили, что будет иначе. Кажется, единственный фильм, к которому у нее не было претензий, – «Титаник».

– Это жанр нуар, – возвела глаза к потолку Кэтрин, – черно-белые тона, циничный главный герой-детектив, красотка, которую нужно спасать, перестрелки в темных подворотнях…

– Ага, – небрежно отмахнулась Эмбер, и, вскочив на ноги, встала напротив нас, закрывая обзор плазмы. – Знаете, так дальше не пойдет! – Она уперла руки в бока, и ее понесло. – Наступила последняя неделя лета, мы вот-вот окажемся в старших классах. А за три месяца ничего существенно не поменялось: нас не пустили на фест Лоллапалуза, мы не попали в тематический лагерь «Хрустальное озеро», а самое отвратительное – никто из нас не лишился девственности. Это фиаско.

– И что ты предлагаешь? – с подозрением спросила Анна.

– Вечеринку! – блестя глазами, как змея-искусительница, Эмбер показала нам свой мобильный, где социальные сети пестрели свежими постами и публикациями.

– Там собралась почти вся школа, – дрожащими от возбуждения пальцами Эмбер только и успевала листать новостную ленту, забитую отчасти провокационными фотографиями.

А там и впрямь оказалась вся тусовка старших классов. Девушки в откровенных нарядах, некоторые просто в купальниках у бассейна, кое-кто уже топлес (вот уж кого потом наверняка переведут на домашнее обучение). Парни в школьных красно-белых регби с пивом в руках или косячками между зубов. Большинство уже пьяные, и все без исключения веселые.

– Я так понимаю, это вечеринка Брайана О'Нила?

– Да. Она началась час-полтора назад, но народ уже так разошелся, что все может закончиться в любую минуту, – ныла Эмбер, остервенело что-то печатая в своем телефоне.

Мы с девочками молча переглянулись. О вечеринках Брайана О'Нила слагали легенды, попасть туда – лучшее, что может случиться перед новым учебным годом с теми, кто расстался со средней школой.

Разумеется, вечеринка у Брайана была намного ярче, нежели наш пятничный девичник с фильмом сороковых годов и распиванием запасов домашнего вина за летними сплетнями. Но родители Кэтрин, у которой мы ночевали, уехали в другой город по делам и вернуться должны под утро, а звонить спрашивать у наших смысла не было – слишком поздно.

Увидев, что мы колеблемся, Эмбер не поверила своим глазам.

– Девчонки, это же вечеринка Брайана О'Нила… считай, лето провели впустую, а дальше нас что ждет? Танцы в честь Хэллоуина в школьном спортзале и Рождество дома в свитерах с оленями?

Тут Эмбер была права. Она переехала в Эмброуз два года назад, и хоть город сразу затянул ее в свой туманный омут с запахом холодного дождя, иногда она как будто пробуждалась и доказывала нам, что посиделки в «Бетти Буп» – не единственное, чем можно себя развеселить.

Тут стоит объяснить, что собой представляет Эмброуз. Мой любимый город сиреневых закатов, за пределами которого, как иногда кажется, больше ничего не существует. А может, так оно и есть.

Эмброуз – тихий маленький городок, куда вы можете попасть, проехав Изумрудный лес на севере Сиэтла. В данном месте есть все, свойственное типичной американской глубинке: эмброузовская школа с баскетбольной командой «Адские псы» и группой поддержки «Ласки». Музыкальная школа, она каждый год находится под угрозой закрытия, и только благотворительные взносы любителя блюза и поклонника Роберта Джонсона мистера Вульфа да выпускницы данной школы мисс Блэк дают возможность держаться всему на плаву. Школьники коротают свободное время в закусочной «Бетти Буп», чьи неоновые вывески розового и синего цвета освещают мрачную заправку мистера Тони напротив, непостижимым образом делая ее еще более зловещей на вид. Ночной бар «Безумный Роджер» под покровительством все той же мисс Блэк открывает двери в полночь. Там поют под аккомпанементы рояля девушки, приезжающие в поисках лучшей судьбы. Городская библиотека, полицейский участок да больница – на этом достопримечательности Эмброуза по большому счету заканчиваются. Школьные вечеринки в честь Дня города и Рождества – вот и все культурные программы.

Зимой ученики Эмброуза катаются на санках вдоль главной аллеи, летом загорают возле Лунного озера, купаться в котором категорически запрещено: сильное течение хрустальных вод считается слишком опасным.

Было время, когда скромный городок жил за счет работы шахт в самом сердце Изумрудного леса, но теперь они заброшены и забыты. Основной доход Эмброуз получает от вишневых садов. Их продукция дает возможность производить исключительный вишневый ликер, он имеет великолепный спрос в больших городах и столицах.

Всех нас с самого раннего возраста учат тому, что ходить в вишневые сады запрещено. Любоваться с горы Влюбленных – да. Ходить меж рядов вишневых деревьев – ни в коем случае.

Много кто в юности мечтает покинуть город и отправиться в студгородок. Вот только проблема в том, что Эмброуз мало кого отпускает. Он охотнее принимает чужаков, что редки, но быстро пускают здесь корни. Все друг друга знают. Все соседи.

Утром и вечером вне зависимости от времен года город окутывает плотный молочный туман, а по ночам ярко светит луна. То и дело льют неприветливые дожди.

Эмброуз оказался идеальным местом для мрачных убийств, сомнительных несчастных случаев и таинственных исчезновений. Правда, мне только предстояло об этом узнать.

– …туда уже даже клуб «французов» явился, – простонала Эмбер, пожирая глазами экран телефона.

А вот это уже был весомый аргумент для нарушения правил.

Мы тут же дружно придвинулись к подруге поближе, чтобы убедиться в сказанном ею воочию. И в самом деле, четверо ребят улыбались с множества фото, но только один будоражил мое воображение, и поэтому все рядом с ним казались расплывчатыми пятнами. Алекс Картер – эмброузовский краш, будущая причина моих бесконечных слез, как бы приторно это ни звучало.

Я навсегда запомнила тот день, когда впервые его заметила. В те редкие апрельские дни, когда погода Эмброуза не столь капризна, город устраивает ярмарки. В воздухе витает запах жареного попкорна, дети запускают воздушных змеев и едят яблоки в карамели; взрослые, с недоверием косясь на кривляющихся клоунов, покупают билеты на аттракционы. Я как обычно пила вишневую колу, стоя с Моникой в очереди в комнату страха, мои пальцы были липкие от розовой сладкой ваты, когда я обратила внимание на светловолосую девчонку в белом платьице – ей безумно понравился большой плюшевый медведь с глазами-пуговицами. Она завороженно смотрела, как один парень, с легкостью попав из автомата по всем мишеням, забирает мягкий трофей. Алекс уже собирался уходить, когда заметил детский взгляд, обращенный на игрушку. Секунда-другая – и он с улыбкой протягивает медведя девочке. Радостно подпрыгнув, она схватила подарок, и, поблагодарив своего новоявленного героя, побежала к родителям хвастаться.

Алекс, сунув руки в карманы, довольно смотрел вслед девочке, словно был ее старшим братом. Та улыбка отпечаталась у меня в памяти навсегда.

Воспоминание вихрем пронеслось у меня в голове, даря предвкушение возможной скорой встречи. Теперь сама мысль о том, чтобы остаться дома, казалась уголовным преступлением особой тяжести.

– А как же фильм? – возмущенно воскликнула Кэтрин. – Мы что, зря его выбирали?

– Это ты его выбрала, Кэтрин, – поправила ее Анна, – знаете, а ведь там в любом случае будет Кимберли… ну, вы поняли, которая сейчас главный редактор школьной газеты. Она такого шанса не упустит – быть в самой гуще событий и сплетен…

В следующем году Кимберли выпускалась (что будет счастливым событием сродни изгнанию дьявола). Анна же грезила о месте главного редактора школы класса с пятого. По крайней мере, это была официальная версия ее неприязни к Кимберли.

– Вы же так хотели посмотреть фильм…

– Кэтрин, ты просто не оставила нам выбора, – легонько постучала по ее плечу Моника и, оценив выражение моего лица, сказала:

– Собираемся.

– Я знаю, как дойти до Брайана коротким путем, – засияв, сказала Эмбер, начав атаку на косметичку Кэтрин.

– Никто ни с кем не фотографируется. Сейчас тяжело сохранить приватность, но это в наших же интересах, – важно предупредила Анна.

– Кэтрин, найди мне что-нибудь не такое пижамистое, – попросила я, оглядывая штаны с фламинго, которые она мне выдала, так как на свою юбку я пролила вино, и теперь она, постиранная, висела на люстре. Почему-то. Но ведь это комната Кэтрин…

Пока она рассказывала о том, что О’Нилы разводят дома павлинов-альбиносов, а девочки передавали друг другу хайлайтер и чихали от французских духов мамы

Кэтрин, я скептически оглядывала вещи подруги. Имея милейшую внешность, она одевалась соответственно, но если Кэтрин в бледно-розовом платье выглядела ангелом, то я напоминала жертву нападения «My Little Pony».

…Мы собрались и вышли из дома в рекордные сроки. Ветер пах ночью, скошенной еще днем травой и желанием повеселиться. Мерцающее звездами небо неумолимо затягивалось облаками. Пытаясь идти на каблуках настолько быстро, насколько это возможно, мы выдвигали догадки, не ушли ли уже «французы» с вечеринки и почему с ними нет вечной подпевалы Лили.

Клуб «французов» – группа из четверых бравых ребят, Алекса, Фреда, Питера, Дэвида, и их верной боевой подружки Лили. Старшеклассников свела любовь к руфингу – кипящий в крови адреналин, будоражащий тело и освобождающий душу, был для них смыслом жизни. Когда ребята покорили практически все возможные высоты Эмброуза, они решили не просто поднять планку, а дать миру знать о себе, и прошлым летом, полетев на каникулы во Францию, взобрались на вершину Эйфелевой башни. Когда приехал сонный парижский патруль, вызванный не верящий своим глазам дежурным, «французов» уже, как говорится, и след простыл. «France 24 the News» истерил еще на протяжении долгого времени, но так как ребята были в масках, они остались инкогнито. И только жители Эмброуза узнали своих героев: красные маски «Адских псов» выдали их.

Школьники пришли в неописуемый восторг с оттенком благоговения, прозвав отчаянную пятерку «французами», а мнения старших разделились. Небезызвестный любитель блюза мистер Вульф, он же директор школы Эмброуза, провел некое подобие воспитательной беседы, но, как позже признался Фред, это походило скорее на дружеский разговор с намеком на инструктаж по безопасности.

Родители ребят отнеслись ко всему спокойно, чего не смогла понять даже моя мама, а она возмущалась по поводу этой ситуации, когда подливала мне вино за ужином. «Французов» любили все – веселые, задорные и харизматичные, они были теми, с кем хочется дружить. Другое дело – Лили. Но, как любила повторять Моника, в семье не без урода.

Открытая и милая со своими парнями, Лили с другими не церемонилась. Питер объяснял это защитной реакцией на любые попытки дружеского сближения. Своих друзей она любила искренне, ведь никто из девчонок ее страсти к

руфингу не разделял, предпочитая днями напролет сидеть в Инстаграме.

С нами «французы» при редких встречах проявляли нечто подобное дружелюбию, ведь мы тоже небезызвестные заводилы школьных и внеклассных мероприятий. Правда, как и они сами, к себе в компанию никого не пускали – исключением стала разве что Эмбер. Но такие, как она, исключение во всем и всегда.

…Благодаря тому, что Эмбер знала короткий путь, мы дошли до Брайана за пятнадцать минут, хотя музыку услышали задолго до этого.

Жилище О’Нилов скорее походило на особняк, нежели на обычный дом, в похожих обычно живут главные злодеи в фильмах или книгах. И если бы не Канье Уэст, чей голос разносился из добротных колонок во дворе, возможно, я бы так и подумала, ведь ходят слухи, что родители Брайана работают на правительство.

Двухэтажное здание возвышалось над липовыми деревьями, справа от него расположился шикарный бассейн. Тропинка начиналась от величественных черных ворот и вела к центральному входу. Минимализм, отстраненность от внешнего мира немного озадачивали, однако на тот момент все изменилось из-за бунтующих под алкоголем школьников Эмброуза. В бассейне на надувном матрасе играли в карты на раздевание, какой-то парень, находящийся прямо в воде, был одет во множество свитеров, куртку, джинсы и три шапки. Он пытался сфокусировать взгляд на картах и не проиграть. Старшеклассницы танцевали возле бассейна, распивая текилу, многие сидели в беседке, играя в «Правда или действие». Тут и там валялись синие и красные пластиковые стаканчики, какая-то компания обливалась пивом. Судя по звукам, сердце вечеринки находилось внутри дома, и мне было даже сложно вообразить, что устроили там.

– Так, давайте не разделяться и не делать глупостей, – нравоучительно изрекла я, и уже минуты через три мы сделали то и другое.

Первой откололась от компании, как ни странно, Кэтрин. Разглядев что-то у бассейна, она сделала ручкой, пообещав скоро нас догнать. Мы вошли в дом и чуть не оглохли от музыки и шума – вечеринка была в самом разгаре. Половина школы танцевала в зале под хрустальной люстрой. У крутой лестницы на второй этаж, возле столика с антиквариатом, толпились парни и девушки постарше: не

обделили Брайана вниманием выпускники школы прошлых лет. В интерьере дома преобладали бордовый и белый цвета, при других обстоятельствах это наверняка угнетало, но под пьяные веселые крики казалось более или менее сносным. Хотя, может, тогда меня посетило что-то вроде предчувствия.

Моника поправила платье, верхние пуговицы угрожающе затрещали, зато бюст, которому многие могли позавидовать, стал намного лучше виден. Пролепетав что-то насчет пива, она направилась в сторону лестницы на второй этаж, где я не без удивления обнаружила одного из прошлогодних выпускников нашей школы, а теперь гордого студента того медколледжа, куда отбыли на летний семинар для первокурсников родители Кэтрин. Значит, он его решил пропустить. Эмбер, толком ничего не объясняя, но тоже пообещав скоро вернуться, была такова. Я видела еще пару раз, как она пробегала по залу и кухне, а потом, как и Анна, куда-то пропала.

Я же не знала, куда себя деть. Без девочек чувствовался дискомфорт. Его усилил внезапный удар в плечо. Обернувшись, я увидела Джона Новака, он врезался в меня, и чутье мне подсказывало, что не случайно. Но Новак, буркнув «прости», побуравил меня взглядом пару секунд и слился с толпой танцующих.

– Чего и следовало ожидать, – хохотнул кто-то сбоку.

Я по инерции повернулась на голос, и сердце пропустило пару ударов. Передо мной стоял не кто иной, как Алекс Картер.

– Что ты имеешь в виду? – спросила я, и мои губы невольно растянулись в улыбке.

– Как только вы вошли пару минут назад, Джон не сводил с тебя глаз, а потом не придумал ничего лучше, чем привлечь внимание, чуть не сломав тебе ключицу, – весело пояснил Алекс. – Глупо, конечно, зато его действия заинтересовали прекрасного принца. Меня.

Мои брови в наигранном удивлении поползли вверх.

– А что же прекрасный принц не заступился за девушку?

Напустив во взгляд тумана, Алекс поник и сказал:

– У меня неважное состояние после финала «Игры престолов»… – И, улыбнувшись, добавил: – И это пару дней назад я был прекрасным принцем. Сейчас просто злой и обаятельный.

Я засмеялась, а он, подойдя поближе, сказал:

– Старшие классы, да? Я тоже впервые попал на вечеринку в конце средней школы. Меня откачивали два дня, – в его голосе звучала деланная гордость, но я не понимала, шутит он или говорит серьезно.

– Ээм… да… Мы с девочками на пороге новых открытий, как говорит Эмбер.

– Эмбер?

– Ага. Из ее уст звучит довольно подозрительно.

– Это ты с Питером мало общалась. Вот из чьих уст все звучит не только подозрительно, но и зловеще. Особенно когда он говорит не пропускать уроки и готовиться к экзаменам.

Я вновь улыбнулась, так как мне было известно, что учится Алекс очень хорошо. Возможно, не круглый отличник, как Питер или Лили, но двери университета для него открыты.

Алекс отхлебнул свое пиво. Вторую руку он держал в кармане, плечом опирался о дверной косяк. Белая футболка выгодно подчеркивала смуглую кожу, растрепанные волосы только добавляли обаяния. Я сдержала тяжелый вздох.

– А ты уже решила, куда поступать после выпуска?

– Нет. Сама идея покидать Эмброуз мне не по душе. Я бы осталась здесь.

Рука Алекса с недопитым пивом застыла на полпути к губам. Склонив голову набок, он что-то произнес, но из-за басов ASAP Rocky я ничего не услышала. Нам пришлось отойти в сторону, так как возле Алекса никого не было, а за мной на

кухне пьяный выпускник разговаривал с пиццей.

– Ты первая девушка, которая не рвется из Эмброуза, – повторил он. – С твоими-то оценками надо в Вашингтонский университет… Что же ты тут собираешься делать?

Я ловила каждое его слово и удивлялась тому, насколько он красивее вблизи. Какой у него низкий, мягкий голос и такой пронзительный взгляд, когда он говорит серьезно…

– Может, буду учиться заочно. Не хочу покидать город. Конечно, мне не с чем сравнивать, я дальше Изумрудного леса нигде не была, даже моря не видела, но здесь мой дом, и лучше его места нет. Что-то здесь держит меня.

Алекс усмехнулся, и глядя на меня еще более внимательно, поставил пустую бутылку на стол и сказал:

– Прекрасно тебя понимаю.

Я сомневалась, но тут он продолжил:

– У меня такое же чувство. Не хочу уезжать из Эмброуза. Таких мест больше нет. Уж можешь мне поверить, папа по работе возил меня по всем штатам. Каждый город уникален по-своему, но, черт возьми, Эмброуз… Он словно создает атмосферу тайны, которой нет. Никто не может объяснить природу Эмброуза. Нет, я не хочу его покидать, – тут Алекс нахмурился, – уезжать, чтобы покорять новые вершины руфинга или помогать папе в бизнесе с вишневым ликером – да. Но покидать ради карьеры – нет.

Он словно озвучил мои мысли. Только красивее. Как художник рассказывал бы о любимой картине.

– Как твои родители к этому относятся?

Мотнув головой, как будто стряхивая наваждение, навеянное рассказом о городе, Алекс через мгновение пожал плечами.

– Мама однозначно хочет для меня большего. Переубеждать или настаивать на другом не станет, но для нее это важно, я же вижу. Говорит, нужно было рожать второго сына, чтобы хоть кому-то портить жизнь.

Мы засмеялись, и он спросил:

– А твоя мама что думает по поводу твоего будущего?

– Она в общих чертах знает, что я не особо рвусь из города, но мы пока не затрагивали эту тему основательно. Другое дело…

– …Моника! – подхватил Алекс.

Я в удивлении выгнула бровь.

– Вы с самого детства не разлей вода, – пожал он плечами, – а она, как я слышал, давно уже хочет уехать отсюда.

Моника и впрямь чуть ли не одержима идеей уехать из Эмброуза. Она хочет убежать то ли от равнодушных родителей, то ли от самой себя, и с каждым годом ее мечта покинуть родной город все крепнет.

– Понимаешь, – начала я с полуулыбкой, – это нас с Моникой не разлучит…

Внезапно появился Фред: душа компании клуба «французов» навалился на нас со спины. Он нацепил на себя фирменный бомбер футбольной команды «Адских псов», серые глаза смотрели мутно, но задорно, в каждой руке парень держал стаканчики с чем-то покрепче пива.

– Воркуем, голубки? – подмигнул он и, освободив нас от объятий, глотнул из каждого стакана, после чего облокотился о столешницу, пытаясь сфокусировать взгляд.

– Фред, ты что, пьян? – наивно спросила я.

– От твоей красоты, – прижав правую руку к груди, гаркнул он и облил себя чем-то смутно похожим на коньяк.

– Фред, господи, сколько ты уже выпил? – покачал головой Алекс.

– А сколько ты НЕ выпил? – грозно поинтересовался в ответ тот и, повернувшись ко мне, начал сканировать взглядом.

– Что ж, Элисон, ты выросла в симпатичную четырнадцатилетнюю девушку.

– Мне пятнадцать.

– Но! – тут Фред поднял вверх указательный палец. – Должен признать, тут без обид, твоя мама все еще самая горячая штучка из всех, кого я видел.

– Да, и она просила передать, еще раз сунешься в бар с поддельными документами, она тебя, сам знаешь, какими тряпками гнать будет аж до участка.

Не особо впечатлившись, Фред поднял стаканы, видимо, показывая, что пьет в нашу честь, и своеобразной танцевальной походкой направился в гостиную.

В ту же секунду к нам подошел высокий и худощавый парень в очках в модной оправе. Питер выглядел старше всех собравшихся, но я знала, что ему едва исполнилось восемнадцать. Он был необычайно серьезным и немного нервным. Наклонившись к уху Алекса, он негромко, – но я, сама того не желая, услышала, – сказал:

– Алекс, иди поговори с ним, это уже ни в какие ворота не лезет. Может, он хоть тебя послушает.

Тут его взгляд упал на меня, он, спохватившись, выпрямился и дружелюбно махнул рукой.

– Привет, Элисон.

– Привет, Питер.

То, что теперь разговор не сложится, я поняла сразу. Алекс после слов друга нахмурился, с мрачным видом огляделся в поисках кого-то. Наткнувшись на мой взгляд, все-таки улыбнулся и расстроенно сказал:

– Что ж, Элисон, прости, нам нужно отлучиться…

Я попыталась сохранить спокойное выражение лица, хотя на меня тут же накатила грусть – я столько еще хотела у него спросить… да и рассказать тоже.

Уловив перепад моего настроения, Алекс мягко сказал:

– Нам еще есть о чем поговорить… так что до скорого.

И, подмигнув на прощание, пошел через гостиную на второй этаж.

– Веди себя хорошо, – улыбнулся мне Питер и поспешил за другом.

Я выдохнула, поражаясь тому, как уравновешенно себя вела, учитывая, какие эмоции бушевали внутри меня. Скажи мне кто сегодня утром, что вечером я как ни в чем не бывало буду разговаривать с Алексом Картером на вечеринке, я бы подумала, что у него помутнение разума.

Не успела я прийти в себя, как рядом оказалась Моника, по лицу которой сложно было что-то понять.

– Спросить или лучше промолчать?

Моника открыла запотевшую бутылку пива и в два глотка опустошила ее наполовину – в доме было слишком душно.

– Пока я пробиралась куда надо, его и след простыл. Это будущее медицины забыло, что у него сегодня был первый семинар. Ну, тот, который родители Кэтрин проводили. И чтобы не заметили, что он не просто прогулял, а вообще уехал, его друг в срочном порядке повезет назад в студгородок. Но я успела кое-что пробить через его друзей. Помнишь Эбби, Дебби или как ее там? Он еще встречался с ней полгода, а летом они то ли расстались, то ли взяли перерыв?

Девушку звали Сьюзен, но я кивнула.

– Так вот, – продолжила Моника, сделав еще один глоток пива, – они расстались. Говорят, он переживает, впечатлительный такой…

Тут она попыталась изобразить сочувствие, но выглядела для этого слишком удовлетворенной.

– Он приедет через две недели, вот тут-то мы и…

Что нам предстояло сделать, я так и не узнала, в тот момент появилась Кэтрин, и мы с Моникой одновременно ахнули.

Минут за сорок с ней произошли разительные перемены. Ноги еле держали бренное тело, руки неуверенно жестикулировали, а глаза буквально смотрели в разных направлениях.

Она была так пьяна, что нам пришлось раза четыре переспрашивать, где она была.

– Текила! – размахивая руками перед нашими носами, пьяно промямлила она. – Меня научили пить текилу, а теперь я пришла учить вас. Где Эмбер и та, пятая… Эльза, Анна или как ее там…

И она начала шарить руками под столом. Мы с Моникой переглянулись и поняли, что нам срочно нужно домой.

– Лучше забрать ее отсюда, – пробормотала Моника, подхватив стоящую уже из последних сил подружку под локоть, – вот только в самом деле, где Эмбер и Анна?

– Попробую им дозвониться, – сказала я и не успела вытащить телефон, как к нам подошла Анна.

– Что случилось? Я слышала, Кэтрин надралась текилой… о господи!

Другой реакции мы не ожидали, Кэтрин начало уверенно клонить в правую сторону, да и весь ее вид красноречиво говорил сам за себя.

– Да-да, давай не сейчас, нужно найти Эмбер и…

Тут Моника, в подозрении сощурив глаза, выдернула у Анны что-то из переднего кармана джинсов. Серый конверт из плотной бумаги, с каким-то знаком в правом нижнем углу.

– Ты с ума сошла? – рявкнула Моника.

Анна с недостаточно, на мой взгляд, виноватым лицом выхватила конверт обратно.

– Давай не сейчас.

– Анна, – предостерегающе сказала Моника, – родители Брайана слишком серьезные люди не только в Эмброузе, чтобы воровать их почту. А вдруг там, – тут она понизила голос так, что мы еле услышали ее за музыкой в гостиной, – а вдруг там компромат – фото голого президента или ганстерский список тех, чьи тела причалят к берегу на следующей неделе?

– Если бы! – взахлеб обрадовалась Анна, но тут же принялась успокаивать Монику, – да брось ты, не держали бы они что-то сверхважное у всех на виду.

– Они ведь и не предполагали, что Брайан устроит вот это, – рукой, свободной от Кэтрин, Моника обвела дом.

Кэтрин, очнувшись и приоткрыв один глаз, заявила:

– Налейте еще текилы.

– Я, конечно, могу положить на место…

– Мы можем нормально отдохнуть или нет?

– На нас уже смотрят…

– С вами только ходить куда-то гулять.

– Где моя текила?!

Все оборвалось в единый миг. И все последующие события сплелись воедино, не давая разуму сразу осознать, что произошло.

Какой-то ужасный грохот из гостиной, крики, вопли, а потом музыка стихла и само время как будто остановилось. В доме наступила тишина, она казалась оглушительной. Так звучит мир, когда происходит необратимое.

Тревога сдавила грудь, от страшного предчувствия бросило в холодный пот. Я смотрела из кухни в гостиную, где все застыли, словно ледяные фигуры. Когда ядовитый страх достиг апогея, я решительно двинулась вперед, школьники расступались передо мной, навевая этим чувство ужаса, от которого ноги становились ватными. Я подошла к подножию лестницы, и, когда пространство передо мной освободилось, увидела у самих ступенек Эмбер, лежащую на спине с неестественно вывернутой правой ногой. Ее зелено-голубые глаза были широко открыты и смотрели в никуда.

Кажется, я так стояла над ней целую вечность, пока со второго этажа не примчались Алекс с Питером. Первый непослушными от шока пальцами деликатно обследовал Эмбер и, подняв свое лицо, напоминающее застывшую маску, сказал слова, которые, несмотря на десятки присутствующих, предназначались именно мне:

– Она мертва. Свернула шею.

Затем гробовая тишина сменилась криками, превратившись в неописуемый шум.

Мужские и женские голоса раздавались отовсюду, то становясь громче, то затихая, а для меня слышимость была такой, словно я находилась под водой. В чувство привело то, что Кэтрин внезапно стошнило на небезопасном расстоянии от ног Эмбер.

«Поломанная кукла», – в ужасе подумала я, глядя на неподвижную подругу.

– Элисон, помоги, – простонала Моника, еле удерживая Кэтрин, которая, согнувшись, держалась за живот и никак не могла прийти в себя.

Я подбежала к ним и, встретившись взглядом с Моникой, в ее огромных карих глазах увидела свое отражение.

Странное было чувство.

Вдалеке слышались сирены мчащихся к дому Брайана машин. Значит, кто-то успел вызвать полицию и скорую.

– Что случилось? Как такое произошло?

– Оступилась, вроде…

– А может, кто-то случайно столкнул?

– С ума сошли?

– Да пьяная скатилась…

Разговоры, которые я слышала, пока мы пытались привести Кэтрин в порядок, сводили с ума. Никто не мог понять, в чем дело, что привело ко всему этому, и волнение дошло до предела. У Анны пошла носом кровь, я помогала ей, пока Моника возилась с Кэтрин.

Вскоре особняк Брайана заполнили полицейские. Медики «Скорой», осмотрев Эмбер, погрузили ее тело в машину и увезли. Я пыталась не смотреть в ту сторону, пока к нам не подошли шериф Хоук и мистер Роуз, отец Эмбер. Он, казалось, постарел лет на десять с момента нашей последней встречи. Кто позвонил ему, мне до сих пор неизвестно.

– Мистер Роуз, – Кэтрин каким-то чудом сделалась трезвее всех остальных, она непроизвольно начала всхлипывать, и слезы потекли по ее бледным щекам.

Отец Эмбер поднял правую ладонь, призывая ее к спокойствию, но прежде, чем он успел что-либо сказать, к нам подошел еще один шериф, прибывший в тот день из Сиэтла по делам Эмброуза.

– Ничего необычного. Мы осмотрели тело, это просто прискорбный несчастный случай. У нас в Сиэтле такое происходит каждый уикенд. Вечеринка, алкоголь… Подростки, что с них взять. И так к ночи еле стоят на ногах, а тут даже если кто-то и зацепил… ничего не докажешь. Но я бы всех отвез в участок, задал бы пару вопросов. Для профилактики.

И был таков.

Шериф Хоук с опаской посмотрел на мистера Роуза. Тот прикрыл глаза, постоял так пару секунд и сказал:

– Вы его слышали. Девочек Эмбер я сам отвезу. И на всякий случай:
я представляю их интересы.

После чего мы сели в его «Рандж Ровер» и поехали за патрульными машинами, куда рассадили всех остальных школьников.

* * *

Неизвестный автор сказал: «Со временем ты поймешь, что времени нет, но на это понадобится время».

Именно это пришло мне на ум, когда я осознала, что не помню тот промежуток времени, когда мы ехали от Брайана в участок. Вот мистер Роуз забирает нас к себе в машину, я держу белую как мел Кэтрин за руку, Моника обнимает Анну, и тут – как так? – мы уже в участке.

А там создавалось невыносимое на тот момент ощущение, будто место вечеринки просто перенесли – гвалт стоял неимоверный. Каждый что-то кому-то доказывал, все пытались друг друга перекричать. Меня терзало желание оказаться с самой собой наедине, но в то же время я боялась этого больше всего.

Шериф Хоук вызвал нас с девочками первыми. В горле стоял ком, я мысленно повторяла себе: «Оставим истерику на потом, оставим истерику на потом». Я повторяла эту фразу, словно мантру, пока мне наперерез не выскочил Алекс, позади которого маячили Питер и Фред.

– Элисон, – Алекс мягко взял меня за локоть, в его глазах читалась растерянность.

Шериф в ту же секунду окликнул нас, и я, бросив на Алекса рассеянный взгляд, поспешила за девочками.

Разговор с шерифом был сродни фиаско. Ничего не видели, не слышали, не знаем. Описание всего предшествующего событию заняло от сил минут пять. Ко всем терзающим меня эмоциям прибавилось чувство бесполезности.

Все это время мистер Роуз, скрестив руки, пустыми глазами смотрел в одну точку. Он не пропустил ни единого слова, сказанного нами, так как сам время от времени задавал наводящие вопросы, но в целом в диалоге не участвовал. Отстраненный, собранный – так он выглядел со стороны, вот только кто его знает, как он себя поведет за закрытой дверью в своем теперь пустом доме.

Когда разговор с шерифом подошел к концу, мистер Роуз закрыл лицо руками и замер так на целую минуту, явно пытаясь прийти в себя. Мы молчали, не поднимая друг на друга глаз. Наконец он встал, застегнул верхнюю пуговицу пиджака и повел нас в другой кабинет, где нам предстояло ждать родителей.

– Никуда отсюда не уходите и ни с кем не говорите, за вами скоро приедут. Элисон, твоя мама задержится дольше всех – ей нужно распорядиться касательно бара. А я еще должен присутствовать при разговоре шерифа с Дэвидом… и его друзьями. Увидимся завтра.

Он поспешно покинул кабинет. Бледные, с потекшей тушью, мы обессиленно рухнули на стулья.

Жалюзи в кабинете не были закрыты, мы могли лицезреть школьников Эмброуза в приемной участка. Они звонили родителям, держали в дрожащих руках стаканчики с кофе и, разбившись на группки, уже молча ждали своей очереди. Время для обсуждений и сплетен еще наступит, сейчас же в участок царил шок,

он окутывал всех страхом с головы до ног, отбирая желание разговаривать.

– Откуда мистер Роуз знает Дэвида? – не сумела я промолчать. Тишина усиливала тревогу, которая грозилась перерасти в паническую атаку.

– Кажется, он хорошо общается с его папой… – неуверенно сказала Анна.

– А она что здесь делает? – спросила Моника, обратив наше внимание на приемную.

Туда уверенным шагом зашла Лили, высокая, фигуристая и черноволосая, она, грозно размахивая сумочкой, направилась к близняшкам Мейбл.

– Заехала за «французами», – сказала Анна, глядя, как Лили, не дослушав девочек, села на стул под доской с объявлениями и, скрестив руки на груди, угрюмо уставилась на дверь, за которой находились ее друзья. – Стань мы свидетелями… такого, ты бы тоже примчалась на помощь. Ее ведь не было на самой вечеринке.

То, что Лили не было с парнями, меня озадачило: когда это они отдельно куда-то ходили? Но не успела я развить эту мысль, как приехали родители девочек.

Неожиданно стало только хуже.

Они поначалу со слезами на глазах обнимали нас, видно, подсознательно понимая, что на месте Эмбер могла оказаться любая. Вскоре их испуг и страх переродились в негодование и злость – ослушавшись, мы, по их словам, взяли вину за случившееся на себя. И мы не могли с ними не согласиться.

Я же больше всего боялась прихода своей мамы. И не зря. Она вошла в комнату, высокая, красивая, с идеальной осанкой, в черном платье-карандаш, обвела нас тяжелым грустным взглядом и, нахмурившись, сказала:

– С тем, что случилось, вам жить всю жизнь.

Я обернулась на девочек и увидела, как Моника беззвучно плачет. От этой картины у меня перехватило дыхание, но сама я попыталась подавить слезы.

Всего лишь захотела подойти к ней, но мама уже взяла меня за руку и повела к выходу. Я еще успела услышать, как родители Моники сказали, что она под домашним арестом на всю оставшуюся жизнь.

С девочками мы толком не попрощались. Анна, понурив голову, плелась за мрачной матерью, Кэтрин продолжали отчитывать с двойным рвением, узнав, что она была безобразно пьяна. Вот так мы и расстались.

Нас стало четверо.

Всю дорогу домой мы с мамой молчали. Чувство чего-то ужасного парализовало меня, не давая возможности даже попросить прощения за то, что я нарушила данное ей обещание тихо и смирно сидеть у Кэтрин дома. Мама молчала тоже.

Когда мы подъехали к дому и она заглушила мотор, я повернулась к ней:

– Мама… если ты меня накажешь, я и слова против не скажу…

Она только погладила меня по голове:

– Ты все-таки потеряла подругу.

Уже в доме, поднимаясь на второй этаж, я обернулась посмотреть на свою мать, одиноко стоящую посередине гостиной. В ее глазах я увидела столько сожаления, что после часто поневоле задавалась вопросом: что же так терзало ее в ту ночь?

Я сходила в душ, попыталась смыть с себя весь страх минувших часов. Легла в постель и дала волю чувствам. Спустя минут десять ко мне пришла мама, легла рядом, подставляя плечо для моих слез.

Та ночь была длиною в жизнь.

* * *

Проснувшись на следующее утро, я не питала робких надежд, будто все произошедшее накануне не более чем страшный сон. Осознание мрачным грузом давило в районе груди. Мамы уже рядом не было, и я чувствовала себя разбитой физически и сломленной морально. Глаза пекло от ночных слез, лицо опухло и заалело, как раскаленное железо. Тучи плыли над Эмброузом, серые, вязкие, а я лежала, смотрела в окно, думая о мертвой подруге и пытаясь предугадать, что будет дальше.

Неужели это произошло с Эмбер? Я вспомнила ее лежащей у моих ног, ее стеклянные зелено-голубые глаза, широко распахнутые и скорее всего видящие то, что живые не могут. У меня начался озноб. И в этом виноват несчастный случай? Глупое падение с лестницы? Или то, что она с подругами пришла на вечеринку, где ее не должно было быть?

Подавив стон, я потерла глаза и услышала стук. Через пару секунд дверь открылась, мама неуверенно заглянула внутрь. Я вспомнила ее слова «вам с этим еще жить» и, хоть понимала, что она абсолютна права, отвернулась, не в силах смотреть ей в глаза.

– Малыш, там Моника пришла.

Меня это не так удивило, как разволновало.

– Что-то случилось?

Мама как-то странно дернула плечами, что насторожило меня еще больше, и сказала:

– Она хочет объяснить сама.

Моника уверенно зашла в мою комнату – черная водолазка, темные джинсы с завышенной талией, мамины домашние бирюзовые тапочки с помпонами – выглядела она сносно, хотя я знала наверняка, что эту ночь она провела так же, как и я – ворочаясь в слезах и уснув лишь под утро. Моника села на кровать и взяла в руки мою ладонь.

– Кхм… пойду, сделаю вам чаю. Нет, лучше кофе. С молоком.

– Спасибо, но не стоит, мисс Блэк. Сейчас подойдет Кэтрин, а минут через десять за нами заедет мистер Роуз.

Как только за мамой закрылась дверь, я сразу же насела на Монику с вопросами:

– Что случилось? Куда мы едем? Почему с мистером Роузом?

– Пока мы спали, кое-что произошло, – Моника набрала в грудь побольше воздуха, а я почувствовала, что еще чуть-чуть и сойду с ума. – Видишь ли, касательно Эмбер… Это убийство, а не несчастный случай.

Вот так вот, с места в карьер. Моника выдохнула, словно эти слова были для нее слишком тяжелой ношей, чтобы начинать с предисловия. Но я бы наверняка испугалась еще больше, зайди она издалека.

Я неосознанно отодвинулась в сторону, глядя на нее так, будто она помешалась. Сердце забилось быстрее, а по позвоночнику прошелся холодок.

– Нет-нет-нет… это же несчастный случай… она была подвыпившей и упала с крутой лестницы… там было столько народу, свет был приглушенный… оступилась.

Моника мотала головой в такт моим словам.

– Это убийство, и через минут десять за нами заедет мистер Роуз, чтобы отвезти в участок на допрос.

Страх от сказанного Моникой пробрался до самых костей, заставив дрожать под одеялом.

– С чего взяли, что это убийство? – спросила я, чувствуя, как теряю контроль над своими эмоциями.

– Эмбер… Ее привезли в морг, и стало ясно, никакой это не несчастный случай. Подробней расскажет Кэтрин – об этом сообщили друзья ее родителей, сама она придет с минуты на минуту, а пока я должна с тобой серьезно поговорить.

Слова Моники молотком отбивались у меня в голове.

Мою подругу Эмбер Роуз убили. Еще вчера мы с ней болтали по телефону, а сейчас она чья-то жертва.

Волна паники начала подниматься из глубин сознания, заставляя тело мелко дрожать.

– Элисон… Элисон, посмотри на меня, – Моника осторожно коснулась рукой моей щеки, привлекая к себе внимание.

С трудом фокусируясь на ее красивом лице, я спросила:

– Что же происходит… Моника… они кого-то подозревают? – Внезапно ужасная, но не лишенная логики мысль пронзила меня, как стрела, пропитанная ядом: – Нас, например.

Моника, вновь взяв меня за руку, уверенно замотала головой:

– Так сложилось, что у нас железное алиби. У каждой из нас. Кэтрин пила текилу у бассейна, и камеры, которые есть на улице, хотя их почему-то нет в доме, показывают, как она, изрядно набравшись в кратчайшие сроки, на негнущихся ногах поковыляла на кухню. Там мы ее сразу и встретили. Алкоголя в ее крови оказалось столько, что она даже не поднялась бы на второй этаж. Меня запомнили студенты, с которыми я провела практически все время, расспрашивая о том красавчике. Анне приглянулся тот глупый конверт, поэтому она не отходила от стола, где он лежал. Там по очереди выпивала вся школа. Ты же произвела фурор своим общением с Алексом, – Моника зло фыркнула. – Некоторых это интересует больше, чем смерть Эмбер…

– Откуда ты все это знаешь?

Она чуть ли не с жалостью на меня посмотрела.

– Мои родители работают в мэрии Эмброуза уже десять лет, ты что, забыла? Достать такую информацию для них – раз плюнуть. Хоть они и зарекаются так больше не делать. Но, Элисон, есть кое-что, о чем я хотела поговорить, пока нет

Кэтрин… Несмотря на то, что ты, по словам самого же мистера Роуза, вне подозрения, да и ваше милое общение с Алексом не давало никому спускать с вас глаз ни на секунду, есть свидетели, утверждающие, что именно ты позвала Эмбер на второй этаж за незначительное время до убийства.

Меня как будто наотмашь ударили.

– Что? Моника, я ничего не… – слова застряли в горле, но я нашла силы справиться с собой. – Кто, кто сказал, что я ее туда звала?

– Эмбер и сказала, – Моника трясущимися руками провела по своим волосам, – там были девчонки, помогавшие подружке, которую тошнило в уборной на втором этаже. Они рассказали, что увидели Эмбер и спросили, кого она ищет. Ответом было твое имя. Мол, ты ее туда позвала. И Элисон, я уверена, они не врут.

Я обессиленно рухнула на кровать, испытывая что-то вроде отчаяния.

– Я не звала ее туда, Моника.

– Я знаю, я верю. Сдается мне, Эмбер сама все придумала, не зная, чем это может для тебя обернуться. Для нее тоже… вот и сказала, что первое в голову пришло.

– Зачем она вообще туда пошла? – всплеснула я руками. – Кого она там искала, если уж верить их словам?

– Над этим мы еще подумаем. А теперь, – тут Моника дернулась в сторону входной двери, услышав голоса, – видно, Кэтрин уже пришла. – Снова повернулась ко мне, глядя в глаза, уверенно произнесла: – Когда шериф спросит, зачем ты звала Эмбер, скажи, что это я тебя попросила.

Сердце уже колотилось в истерике, не давая спокойно выдохнуть.

– Зачем?

– Твоя мама на хорошем счету в Эмброузе, не спорю, вот только мои родители работают в мэрии. В случае чего вопросов ко мне будет минимальное количество. К тому же… да ты только посмотри на себя! Пошла красными пятнами, нервничаешь так, что можно подумать, ты действительно в чем-то виновна. Нервы у тебя всегда были ни к черту.

– Что ты скажешь шерифу?

– На втором этаже пил пиво тот самый парень, который мне нравится. Эмбер его знает… знала. Хотела попросить познакомить нас. А что бы сказала ты?

Я тут же вспыхнула, однако твердо ответила:

– Что никуда не звала ее.

Моника удрученно скривилась.

– То же самое, если бы ты сказала, что твою домашнюю работу съела собака.

– Не нравится мне все это…

– Сама не в восторге.

– Почему ты не захотела разговаривать при Кэтрин?

Моника неопределенно покачала головой, глядя в окно, где капли дождя, разбиваясь о гладь стекла, катились вниз извилистыми дорожками.

– Она ничего не помнит. Совершенно. И кто знает, какие фальшивые воспоминания может подкинуть ей память. Вспомни твой день рождения. Она как обычно напилась и до сих пор уверена, что к ней цеплялся Энди Хопкинсон. На самом же деле его с нами даже не было, а Кэтрин просто упала на вешалку.

Тут появилась сама Кэтрин.

– Привет. – Она походила на привидение: платиновые влажные волосы прилипли к бледному лицу, темные тени залегли под глазами.

За ней проследовала моя мама с подносом, на котором дымились три чашки с кофе.

– Я решила, без кофеина вам сегодня не обойтись, – ставя поднос на туалетный столик, сказала она.

– Но мы ведь скоро уходим…

– Пусть тогда они арестуют меня за то, что вы вышли на две минуты позже, – и, раздраженно дернув плечами, мама вышла из комнаты и громко закрыла за собой дверь.

– Оу, – пролепетала Моника, глядя ей вслед. В таком настроении девочки видели мою маму впервые.

– Почему ты еще не начала собираться? – спросила Кэтрин, бесстрастно глядя на стену напротив.

– Моника вводила меня в курс дела, и я немного…

– Поражена неограниченностью абсурда?

– Ммм… да, – я начала ерзать на кровати. – Касаемо того, что это убийство…

Кэтрин перевела на меня свои зеленые, пугающие пустотой глаза, после чего пустилась в монотонное объяснение, не соответствующе ее обычному темпераменту:

– О том, что к ним везут Эмбер, мистер и миссис Питерсон знали заранее – мистер Роуз хотел, чтобы похороны проходили уже на следующий день, поэтому им позвонил шериф. Но при повторном осмотре, перед тем как начать заполнять необходимые для всего бумажки… они заметили, что на теле Эмбер появились странные… – тут Кэтрин отвела взгляд в сторону и, замявшись, продолжила: – …трупные следы. Мистер и миссис Питерсон осмотрели тело и позвонили

шерифу. В том, что это убийство, у них не осталось ни малейших сомнений. В районе солнечного сплетения у Эмбер появился огромный синяк: ее явно толкнули, сильно ударив в грудь. Более того, на правой руке образовались гематомы – как будто ее куда-то тащили против воли. Возможно, к той же самой лестнице.

Слушать разъяснения было мерзко. Картины одна отвратней другой рисовались у меня в голове. Вот безликий убийца тащит Эмбер за руку к лестнице, а потом, с наслаждением ударив ее в грудь, смотрит, как она падает с лестницы.

– Сила удара была настолько велика, что свернутая при неудачном падении шея Эмбер представляется единственно возможным результатом.

Я лихорадочно поднимала из архивов своего сознания то, что знала из сериалов про криминалистику.

– А ДНК… у Эмбер под ногтями что-то нашли? Если она отбивалась, царапая его… или ее… то должно было что-то остаться, верно?

Кэтрин грустно улыбнулась.

– Ничего. Ее туда приволокли, толкнули, и она, упав, свернула шею. Не обращайся убийца с Эмбер так грубо, все бы так и подумали – случайно оступилась.

– И что, никто ничего не видел? – казалось, Моника уже начала закипать.

– Свет был только от диско-шара, толкучка невероятная, трезвых не наблюдалось, музыка гремела на целый квартал… Вы сами-то много на что обратили внимание? Например, на то, что одетый пьяный парень в бассейне был сам Брайан О'Нил? Или на то, что близняшки Мейбл подрались? Все были заняты только собой. Все всегда заняты только собой.

Кэтрин пожала плечами и отвернулась к окну.

– Мистер Роуз приехал, – многозначительно посмотрев на нас, сказала мама, заглянувшая в комнату.

Кэтрин ойкнула и тут же вышла из комнаты, обернувшись на пороге, чтобы взглядом поторопить Монику.

– Ждем тебя внизу, – кивнула Моника, – не зевай, нам еще Анну по дороге забирать.

Я прошла в ванную, умылась, сделала хвостик, посмотрела в зеркало и грустно усмехнулась, представив, что сказала бы Эмбер, увидев, в каком виде я собираюсь на улицу.

Поездка получилась безмолвной: молчал мистер Роуз, ни слова не проронили и мы. Я ехала с непреодолимым желанием быть как можно незаметнее.

Забрав по пути хмурую Анну, мы через пять минут парковались возле участка.

Поутру там было непривычно тихо. Обрывки телефонных разговоров, работающая кофеварка, печатающий ксерокс – каждый занят своим делом, ни у кого к нам нет особого интереса. Девочек оставили в приемной, меня мистер Роуз сразу повел в кабинет к шерифу. После предупреждения Моники это показалось мне немного подозрительным. Но в тот момент меня больше волновало состояние мистера Роуза – выглядел он как человек, потерявший единственную дочь, однако его осунувшееся лицо все равно вызывало сильную тревогу. Мы с девочками есть друг у друга, а кто остался у него?

Допрос длился недолго, и, как мне показалось, это были самые бесполезные десять минут в жизни шерифа. Я повторяла то, что проговорила перед этим с девочками. Как бы ни старалась, ничего нового, стоящего внимания вспомнить не могла. В конце концов шериф, переглянувшись с мистером Роузом, задал вопрос, который вчера не озвучивался:

– Элисон, – тут он прокашлялся, – есть свидетели, настаивающие на том, что Эмбер говорила, будто это ты ее попросила подняться на второй этаж незадолго до того, как мисс Роуз толкнули. Так ли это было на самом деле?

Вот тогда я и пожалела, что так легко согласилась с Моникой. Настояла бы на том, что такого не было… А теперь втягивать Монику… я почувствовала себя бесхарактерной, но назад пути не было – времени предупредить подругу о смене решения нет.

Пытаясь обуздать лавину чувств внутри себя, я сказала:

– Не совсем так. Увидеться с Эмбер на втором этаже хотела Моника, я просто передала ее просьбу. Там был парень, с которым она хотела познакомиться, а Эмбер знают все.

Шериф, слушая меня и попутно заполняя какие-то бумаги, понимающе кивнул, после чего попросил позвать следующего.

Я в неловкой растерянности посмотрела на мистера Роуза, он в задумчивости хмурил брови, но, почувствовав мой взгляд, попытался как можно более ободряюще улыбнуться.

Я была уже возле двери, когда не удержалась и обернулась к шерифу:

– Мистер Хоук… у вас есть подозреваемые? Хоть что-то, способное помочь найти виновного?

Шериф грустно улыбнулся. Я, как и остальные школьники Эмброуза, знала его с детства – сколько себя помню, он ходил со сверкающим значком шерифа на груди и в шляпе, лихо сдвинутой на лоб. Всегда готовый прийти на помощь, знающий, кто виноват в той или иной шалости. Но ведь то, что случилось сегодня ночью, перевернуло жизнь в спокойном Эмброузе с ног на голову, и теперь уже ничто не будет как прежде. Кто его знает, как шериф себя проявит.

– Элисон, я не имею права ничего тебе говорить. – А потом мистер Хоук, пристально глядя мне в глаза, добавил: – Поэтому, даже имея хоть какую-то зацепку, я бы не сказал.

Уже в коридоре я задалась вопросом, не стоит ли все взять в свои руки – кажется, никто не узнает правду, если дело будет продвигаться таким образом.

«Никто не узнает правду» – впоследствии я настолько часто слышала эту фразу, что возненавидела ее, при этом желание докопаться до истины стало чем-то вроде одержимости.

В приемной участка возле девочек стояли «французы» в полном сборе. Я почувствовала нечто вроде вины, увидев Алекса, потому что мои коленки начали нервно подрагивать. «Когда твою подругу убили, это ненормально», – с отвращением к самой себе и своим чувствам подумала я.

– Привет, – недружно поздоровались парни.

Лили, отвернувшись, промолчала.

– Как прошло? – с волнением оглядывая мое лицо, спросила Моника. – Выглядишь усталой.

– Нормально… Кто пойдет следующей? Шериф и мистер Роуз ждут.

– Я пойду, – сказала Кэтрин и, ни на кого не глядя, направилась по коридору в кабинет.

Я печально смотрела ей вслед. Когда было что-то не так, милая странноватая Кэтрин впадала в апатию. Эмбер относилась к ней по-особенному, в отличие от нас, всегда с должным вниманием и интересом слушала ее сны про пчелорусалок, в то время как мы с девочками просто неуверенно переглядывались. Я боялась, что теперь мы можем в некотором роде потерять и Кэтрин.

– …не удивительно, да, Элисон? Элисон?

Я удивленно посмотрела на ребят и поняла, что бессовестно прослушала все ими сказанное.

– Простите, голова разболелась, – сказала я, усаживаясь на стул между Анной и Моникой.

– Это от волнения, – уверенно сказал Алекс, с тревогой меня оглядывая. Или мне только так показалось? Его красивые карие глаза потемнели и стали черными, что делало их еще больше.

Как оказалось, «французов» тоже созвали для допроса. Скоро должны были прийти все остальные, кто присутствовал на роковой вечеринке.

– А теперь скажите мне, – взлохматив рукой волосы и хмуро обведя нас взглядом, проговорил Фред, – что-то известно, кроме того, что это убийство?

– Сегодня проведут вскрытие, – нервно сглотнув, сказала Анна, – а завтра будут похороны. Так Кэтрин родители сказали, когда звонили у нее уточнить, во сколько она освободится, – ответила на мой немой вопрос о таких познаниях Анна.

После Кэтрин пошла Моника. Все продвигалось быстро и безрезультатно.

Фред нервно постукивал ногой, поглядывая на кабинет, где находилась Моника. Когда она вышла, с облегчением выдохнул, всмотревшись в ее лицо и не увидев там ничего такого, из-за чего можно было бы переживать.

– Ты как, Моника? – спросил он, завороженно глядя, как она поправляет волосы.

Моника оставила вопрос без ответа, только мрачно поглядела из-под пушистых черных ресниц. Я бы тоже не нашлась, что на такое ответить.

Лили, повернувшись и наблюдая за всем этим с каменным лицом, не сводила с Фреда и Моники пристального взгляда. И только сжатые скулы выдавали то, что ее спокойствие явно фальшивит. Но уже через мгновенье Лили задрала нос до потолка и вновь отвернулась в сторону.

После Моники забрали Анну, и, закончив с нами, мистер Роуз велел подождать, пока приедет миссис Ньютон и развезет нас по домам. «Французы» ждали рядом, когда начнут вызывать их. Это напоминало очередь на экзамен абсурда.

– Девчонки, как там… с родителями? – спросил Питер, поправив очки указательным пальцем.

– Не радужно, – хмыкнула Моника.

Ее и впрямь посадили под домашний арест. Теперь даже о выпускном вечере она может только мечтать. Музыкальная школа, страсть Моники, тоже под запретом. Никакого вокала и рояля. Только школа – дом – уроки.

– Знали бы вы, как досталось Брайану, – Фред поежился. – Родители чуть живьем с него шкуру не содрали.

– Они знали про все его предыдущие вечеринки, могли бы предположить, что рано или поздно что-то да произойдет, – пожала плечами Моника, – а тут такое… они и так слегка нелюдимые, вон какой особняк отгрохали подальше от центра, но теперь их дом будет купаться в лучах сомнительной славы, уж простите.

– Вот здесь немного мимо, – Фред скривился, будто ему самому было неприятно об этом говорить. – Переживать они не будут. Мы с утра заходили за Брайаном, думали вместе поехать в участок, нам ведь по пути, а ему как хозяину дома уж точно не отвертеться от интервью с шерифом. Слышали бы вы, как на него орала мать… как сирена из Сайлент-Хилл. И если честно, судя по тому, как она его отчитывала, смерть Эмбер и то, что убийство произошло в их доме, ее впечатляет меньше всего.

– За что же она орала на него? – нахмурилась Кэтрин.

– Мы можем ошибаться, но, кажется, вывело ее то, что Брайан позвал всех именно в пятницу, – развел руками Питер. – Видели бы вы мистера и миссис О’Нил, когда они кричали на сына. Посинели прям, я даже не знал, что кожа может от крика приобрести такой оттенок.

– То есть они ругали Брайана только за то, что он позвал нас в пятницу? – с отвращением переспросила Моника.

– Это то, что мы слышали, – поднял ладони вверх Алекс, – потом они увидели нас и зашли в дом, Брайан же сказал, что его отец отвезет немного позже. Они вообще-то неплохие вроде, только со странностями.

– Ничего себе странности! В их доме произошло убийство, а они волнуются из-за того, что малютка Брайан созвал одноклассников не в тот день.

– Ну, мы же не знаем, что у них творится в доме на самом деле, – сказал Дэвид. Выглядел он хуже обычного – и без того тощий, в тот день он казался прозрачным.

Мы все замолчали. Безусловно, у каждой семьи свои скелеты в шкафу, чужие причуды всегда выглядят разве что не дикими, но именно случай с родителями Брайана казался мне почти аморальным. Молодую девушку убили у них дома, а они переживают, что сын устроил вечеринку в пятницу, а не в субботу. Я была уверена, за этим стоит что-то большее, и была готова озвучить свои сомнения, но присутствие угрюмой Лили отбивало малейшее желание открывать рот.

– Моника, если хочешь, я поговорю с твоими родителями, скажу, это я настоял на том, чтобы ты пришла… у тебя не было выбора… все-таки передо мной тяжело устоять, они наверняка поймут.

То, с какой непосредственной уверенностью Фред говорил это, умиляло до слез. Алекс и Питер, переглянувшись, слабо улыбнулись. Я сама непроизвольно усмехнулась, но увидела взгляд Лили, полный огненной ненависти, направленный на Монику, и даже немного испугалась. Моника же, ничего не заметив, погладила Фреда по плечу со словами:

– Ты говоришь это здесь, а моя мама перезаряжает ружье дома.

Лили, с грохотом встав со стула, ушла со словами «Мне нужен кофе». Фред с ребятами и девочками искренне не понимали, что произошло, и только Алекс проводил подружку недовольным взглядом.

Никто и словом не успел обмолвиться, как за «французами» вышел мистер Роуз. Он помахал рукой, зазывая в кабинет к шерифу сразу всю компанию.

– Что ж… увидимся, – сказал Питер, вставая.

Парни пошли за ним. Выглядели они угрюмыми, но спокойными.

– До встречи, – сказал Алекс, встретившись со мной взглядом.

Я неуверенно улыбнулась.

Мы остались сидеть возле одного из столов в приемной участка, ожидая маму Анны.

– Значит, похороны уже завтра? – спросила я, не веря, что задаю этот вопрос.

– Да, – кивнула Кэтрин, – сегодня еще будет вскрытие… странно, конечно, что его вчера не провели… но знаете что, если со мной что-то случится, я хочу, чтобы мое вскрытие проводила миссис Питерсон. Она очень хороший специалист, рекомендую. – Тут она неожиданно жалобно всхлипнула и произнесла: – Когда я вчера вернулась домой, то увидела сообщение от Эмбер, она отправила мне его перед тем, как вы пришли. Просила уговорить вас пересмотреть «Титаник»…

Моника с Анной начали ее обнимать и успокаивать, хотя сами были на грани. Я только собиралась подсесть к ним поближе, но неожиданно услышала над собой голос Лили:

– Первая вечеринка пошла не по плану?

Все обернулись к ней, Кэтрин перестала всхлипывать, но слезы не останавливались и текли по ее веснушкам, пока мы ждали продолжения.

– Вот так бывает, когда дети не слушаются родителей. – Лили посмотрела на Монику и зло добавила: – Ты в углу до конца учебного года стоять теперь будешь?

Моника закатила глаза, всем своим видом показывая незаинтересованность. Ее нежелание вступать в конфликт с явно агрессивно настроенной Лили разозлило последнюю еще больше, но, ко всеобщему удивлению, она резко повернулась ко мне:

– О, и как славненько, что на месте Эмбер была не ты, малышка Элисон, – предвкушая гадость, которую она собиралась сказать, Лили улыбнулась. – А то как бы было обидно, сверни ты себе шею, так и не успев подержать Алекса за ручку.

Анна и Кэтрин лишь тихо ахнули, а я, взяв руку Моники и легонько сжав ее, чувствуя, что она готова к бою, постаралась сказать как можно спокойнее:

– Зачем ты так?

– Скажу лишь, что пока не за что, – туманно ответила Лили.

– Да? – переспросила Моника, которую начало трясти от ярости. – А сама ты где, страшно спросить, была? На тот момент, когда Эмбер сталкивали с лестницы?

Лили лениво перевела взгляд на Монику.

– Не смогла прийти, дел было по горло.

– Оо, так бы и сказала, что была на свидании.

Кэтрин с Анной прыснули, пытаясь выдать это за кашель. Лицо Лили вытянулось, когда она поняла, что Моника имеет в виду. Она покраснела от гнева и зашипела, словно рассерженная гусыня:

– Считаешь себя самой умной, не такой, как все?

– Скорее просто все не такие, как я.

Лили посмотрела на меня и, вернув себе прежнее высокомерное выражение, произнесла:

– Учись уже сама за себя отвечать. Моника не всегда будет рядом, чтобы тебя защитить.

И, смерив нас презрительным взглядом, удалилась, лихо виляя бедрами.

– Почему она так взъелась на тебя? – удивленно повернулась ко мне Кэтрин.

– Я могу ошибаться, но, кажется, Лили это сделала, чтобы вывести Монику из себя.

– Как-то запутанно…

– Наоборот, – покачала головой Анна, – Монике плевать, что эта… вертихвостка говорит ей. Но зацепи она кого-то из нас, особенно Элисон, и Моника молчать не станет. И, кажется, я знаю, почему Лили так старательно срывала злость на Монике, все-таки втянув ее в конфликт, – переглянувшись со мной, сказала Анна.

Я кивнула.

– Я думала, парни для Лили как братья, но что касается Фреда, тут в таком случае…

– Попахивает инцестом. А Фред в свою очередь не сводит глаз с Моники.

– Казалось, еще чуть-чуть – и Лили разорвало бы от ревности.

– Меня Фред не интересует, – устало сказала Моника.

– Почему? – повернулась к ней Анна. – Красивый, высокий выпускник, с отличным чувством юмора, занимается руфингом… видно, что неравнодушен к тебе…

– А потому, что меня больше интересует, кто и за что убил Эмбер, – голосом, не терпящим возражений, отчеканила Моника.

– И мы это просто так не оставим, – уверенно сказала Анна, а потом обратилась ко мне: – А вот тебе, Элисон, я думаю, стоит открыть глаза Алексу на то, какую змею они пригрели на груди.

– Не собираюсь лезть в их отношения, – я поправила кофту, сползающую с плеч. – «Французам» Лили ничего плохого не делала, а то, что у нее от ревности крыша едет, ее проблемы. Так что жаловаться к Алексу я не побегу. Да и кто мы друг другу…

Тут к нам подошли близняшки Мейбл. Участок постепенно заполнялся школьниками Эмброуза, которых созвали на уже полноценный допрос.

Что касается Мейбл, насколько известно, родственницами они, как бы нелепо это ни звучало, не являются. Немного похожи внешне, любят одинаковую одежду, да и красятся, не сговариваясь, идентично. Повадки, манера разговора – Мейбл перенимали друг у друга все, и со временем границы их личностей размылись, девушек стало не различить. К тому же так уж вышло, что они однофамильцы – из-за ряда этих причин высоких, смуглых и темноволосых Мейбл прозвали близняшками.

Если честно, видеть их именно сейчас, в участке, при таких обстоятельствах, к тому же после выпада Лили, хотелось меньше всего. Всем было известно, что близняшки Мейбл могут заговорить кого угодно до помешательства.

Вот и сейчас, сменяя друг друга, они пустились во все тяжкие:

– Привет. Какой ужас, да? Никто и подумать не мог, что такое случится здесь, с нами, в Эмброузе. Конечно, всякое бывало, вспомните Адама Никсона, как он умер. Вернее, был убит. Не убит, а ранен. Но тогда столько крови было, после того как он порезал палец в столовой. И исчез куда-то. Вот тогда мы тоже переполошились. Кровь есть, а Адам где? А он в уборной был…

– Или как с Энди Хопкинсом получилось. Упал, лежит, не дышит. Свалился с подоконника, он на первом этаже живет. Мы подумали, все, был парень, нет парня. А он как очнется, да как начнет орать, что у него рука сломана. Глаза таращит, по земле катается, ни подойти, ни подпрыгнуть… Мы давай скорую помощь вызывать…

– Стой, это тоже с Адамом Никсоном случилось. А вот с Эндрю произошло другое…

– Подождем миссис Ньютон на улице, – процедила сквозь зубы Моника, и мы, кивнув, пошли за ней.

Близняшки Мейбл, споря, что кого настигло, уже не обращали на нас внимания.

Но тут наперерез к нам вышла гроза школьной газеты Кимберли Палвин. Возвышаясь над нами на своих каблуках стриптизерши (утверждение Анны, а не мое), в телесном бархатном платье, она, поправив красиво уложенные волосы цвета «темный блонд» (стоит произносить ее томным низким голосом), ни к кому

точно не обращаясь, сказала:

– Не могу поверить, что Эмбер убили. Она была хорошей девушкой. И красивой. Достаточно красивой для того, чтобы нажить себе врагов. Я хочу написать разоблачающую статью, и вы обязаны мне помочь. Сочтите за честь.

– Наконец-то, миссис Ньютон, – пробормотала Моника и, взяв под руки меня и Кэтрин, направилась к выходу.

– Потом еще обсудим это… наверное, – успела сказать Анна Ким, но я схватила ее за локоть и потащила за нами.

Не сговариваясь, разъехались по домам – мы устали, были обессилены тем, что случилось меньше чем за сутки. На завтра были назначены похороны, и, хотя у нас было что сказать друг другу, мы решили поберечь себя для финала.

Оказавшись у себя в комнате, единственное, чего я желала, – забыться сном, таким крепким, чтобы воспоминания о прошлой ночи не вызвали новую волну страха и паники. Я укуталась в одеяло и постаралась как можно быстрее провалиться в сон.

– Прежде чем начнешь сопеть, расскажи, как все прошло. – Мама бесшумно зашла в комнату, села на край кровати. Мягкими ладонями она гладила мои щеки, черные волосы падали на смуглое лицо, пухлые губы были поджаты в немом вопросе. Как же я жалела в тот момент, что не похожа на свою мать!

Пересказав весь свой недолгий разговор с шерифом Хоуком и мистером Роузом, я спросила:

– Ты пойдешь со мной завтра на похороны?

Мама утвердительно кивнула, и мне почему-то показалось, что она еле сдерживает слезы.

– Конечно. Я нашла, кого завтра оставить вместо себя в баре. И, малыш… Эмбер была хорошей девушкой. Даже если кто-то будет пытаться убедить тебя в обратном, помни, она была твоей подругой, обладающей редким, но таким

важным для друзей качеством – верностью. Не давай никому и ничему опорочить память о ней.

Я прикрыла глаза, чтобы справиться с отчаянным желанием разреветься. Успокоившись, спросила, с надеждой глядя на маму:

– Как ты думаешь, убийцу найдут?

– Надеюсь. А теперь спи и ничего не бойся.

Дождь в Эмброузе не прекращался целый день. Мелкий, прохладный, он робко стучал по крыше дома, однако мой сон был слишком глубок, чтобы насладиться его атмосферой.

* * *

Следующий день, уже как обычно, начался с плохих новостей. Родители Моники не пустили ее на похороны Эмбер.

«Она наказана. Пусть скажет спасибо, что будет ходить в школу и хоть там видеться с друзьями, а не сидеть еще два года на домашнем обучении», – так сказала ее мама. Они забрали телефон Моники и даже не позволили с ней поговорить.

– Ушам своим не верю! – рявкнула я, бросившись к выходу, готовая вызволять подругу хоть на летающем форде «Англия».

– Тихо-тихо, – придержала меня мама. – Не горячись, а то сделаешь еще хуже. Ты же знаешь ее родителей. Заедем к Монике после похорон…

– Вряд ли до этого момента что-то изменится…

Кипя праведным гневом, я собирала свои непослушные густые волосы в пучок, с болью в сердце представляя, как сейчас чувствует себя Моника, одна, в четырех стенах, в то время как мы идем прощаться с Эмбер. Она не любила одиночество, а я ненавидела оставлять ее одну. Для нас обеих эти чувства удвоились,

обостряясь под грузом скорби предстоящих похорон. Ко всему прочему, озадачивало поведение мамы. Обычно невозмутимая, тем утром она выглядела по-детски растерянной, на вопросы отвечала невпопад, пугая невнимательностью за рулем. Но я молчала. Со страхом смотрела перед собой, с ужасом начиная осознавать: Эмбер на самом деле мертва…

На улице мягко светило солнце, играя лучами вдоль центральной аллеи, завлекая, дразня. Такая погода в Эмброузе – исключение, даже летом. Мне показалось, это неспроста: Эмбер жила пару лет в Калифорнии и такую погоду очень любила.

На похороны пришло полгорода – как я говорила, у нас все друг друга знают, все соседи. Мистер Роуз позвал нас с мамой поближе к священнику, где уже стояли Анна с Кэтрин, и все они неотрывно смотрели на гроб. Как во сне, сделав с десяток шагов вперед, я оказалась возле мирно лежащей Эмбер. Ветер исчез, солнце замерло над кладбищем, и все люди безмолвно слушали панихиду.

Я смотрела на Эмбер, лежащую в белом платье, вспоминая картину, висевшую в комнате Кэтрин, где было написано: «Цель танатокосметолога заключается в том, чтобы на своей последней вечеринке труп по возможности выглядел как можно красивее». Позже родители, увидев сей шедевр, заставили его выкинуть. Будучи врачами, они, как выразилась Кэтрин, понимали не весь медицинский юмор. Я же, глядя сейчас на Эмбер, осознавала, что хотел сказать этим автор, и шуткой фразу не воспринимала. Для меня на своей последней вечеринке Эмбер выглядела исключительно красиво. Как восковая фигура. Такими фигурами славится музей мадам Тюссо, и, будь Эмбер одной из ее работ, она наверняка стала бы самым идеальным экспонатом.

«Что за чушь лезет мне в голову?» – жмурясь от жгучих слез, подумала я.

Все закончилось очень быстро. Была брошена последняя горстка земли на крышку гроба, после чего поднялся слабый ветер, от которого у меня пошли мурашки по телу.

Посмотрев друг на друга, мы с Анной и Кэтрин обнялись. Они не спрашивали про Монику, лишь только хмуро кивнули, когда я сказала, что ее не хватает. Слезы не думали заканчиваться, но я быстро вытерла глаза, когда мистер Роуз подошел к нам, – оставшиеся люди выразили сожаление и, положив цветы у

гроба, начинали расходиться. Я краем глаза заметила маму, она выглядела непривычно уязвимой, стоя у могилы Эмбер. Выражение ее лица было скрыто шляпой с широкими полями, но я явственно чувствовала боль, исходящую от каждого, даже самого мимолетного ее движения.

– Спасибо, что пришли, – привлекая к себе внимание, сказал мистер Роуз, и я повернулась к нему. – У меня не так много времени, поэтому перейду сразу к делу. Элисон, Анна, Кэтрин… Эмбер вас безумно любила. И Монику, разумеется, тоже. Я вам безмерно благодарен, что в свое время вы приняли ее в свою компанию. Собираюсь поговорить с родителями Моники по поводу наказания. Это нелепо, учитывая обстоятельства, – тут он тяжело вздохнул и, засунув руки в карманы, продолжил: – Более того, что бы вы ни говорили о том, что решили пойти на вечеринку сообща, я знаю, кому принадлежала идея. Эмбер пошла в мать – и яркой красотой, и привычкой искушать судьбу, которая в важный момент отвернулась от нее. Я не уберег дочь от злого рока.

Мне стало дурно, но следующие слова мистера Роуза отрезвили молниеносно:

– Я переезжаю из Эмброуза. Просто не смогу здесь находиться. Вы знаете мой номер, и для вас, и ваших родителей я всегда буду в открытом доступе.

– Мистер Роуз… как же так? – ошарашенно глядя на него, пролепетала Анна. – Ведь следствие только началось, как оно будет происходить без вас…

– Дело закрыто, – резко сказал отец Эмбер, крепко сжав челюсти.

– То есть как, убийцу нашли? – излишне громко спросила Кэтрин, и Анне пришлось на нее шикнуть.

– Нет, – не глядя нам в глаза, ответил мистер Роуз. – Это все… это все несчастный случай…

– Но как же…

– Я хочу, чтобы моя дочь покоилась с миром.

– Как же она будет покоиться с миром, если убийца на свободе?

Он грустно усмехнулся.

– «Ты всегда знаешь, кто виновен, но не хочешь в это верить». Не уследив за Эмбер, я практически убийцей и являюсь.

– Мистер Роуз! – укоризненно произнесли мы с Анной одновременно.

Но он, пожав каждой из нас руку, сказал:

– Надеюсь, еще встретимся. – И, кажется, не желая дальше объясняться с нами, он ушел, но я успела увидеть слезы, которые блеснули у него в глазах.

Спустя время, узнав правду, я перестала винить его за принятое решение. Для меня мистер Роуз остался сильным человеком, который привел в мою жизнь хорошего друга и ушел из нее, когда Эмбер не стало.

К его одинокой фигуре подошла моя мама, вытирая по пути глаза платком. Как же они похожи – успешные, еще молодые и красивые, оба воспитывали детей в одиночку, я знала о собственном отце не больше, чем Эмбер о своей матери. Вот только глаза мистера Роуза выдавали то, что для него смысл жизни утерян навсегда.

– Мм… я сейчас подойду, – тихо сказала Анна и направилась вглубь кладбища.

Я знала, куда она идет, но пока решила оставить ее в покое и дать побыть в одиночестве.

Кэтрин легонько пнула меня в бок, кивнув на Алекса, – тот стоял поодаль, глядя в нашу сторону.

– Подойди, – она аккуратно подтолкнула меня к нему.

Я медленно двинулась ему навстречу.

– Здравствуй, – без тени улыбки поприветствовал меня он.

– Привет. Где остальные?

– Ждут в машине, Дэвиду нездоровится. Я хотел сначала переговорить с тобой.

Я робко улыбнулась, сдерживая слезы.

– Эй, – Алекс тут же заключил меня в свои крепкие объятия. От него приятно пахло чем-то едва уловимым и знакомым, что сейчас в воспоминаниях вызывало горечь, – ты плачь, не стесняйся своих эмоций, от этого немного, да станет лучше.

Когда я отстранилась, чтобы выдохнуть и кое-как привести чувства в порядок, он сказал:

– Есть события, ход которых мы не можем ни предугадать, ни изменить. И, разумеется, есть те люди, которых не заменить. Но, Элисон, зная Эмбер, она не хотела, чтобы ты опускала руки, виня себя в чем-то или не отпуская ее. Поэтому дай себе время. Поговорка говорит, это лучшее лекарство.

Посигналила машина, заставив нас вздрогнуть. За рулем сидела Лили, по ее лицу сложно было что-то понять, только болезненно бледный Дэвид махнул рукой.

– Иди. И спасибо тебе.

– Не прощаемся, – Алекс уже знакомым движением дотронулся до моего локтя и быстрым шагом направился к машине.

Я тут же почувствовала приступ болезненного одиночества и взглядом стала искать девочек. Те редкие люди, которые еще не ушли, не имели ко мне ни малейшего отношения, поэтому я решила немного пройтись.

В пятидесяти метрах от высокого старого дуба, где похоронили Эмбер, стояла Анна, кутаясь в шаль матери. Я тихонько подошла, молча встав около нее.

– Не думала, что мы относительно скоро вновь будем здесь кого-то хоронить, – грустно сказала Анна, не поворачивая головы.

Мы стояли возле могилы ее отца, мистера Ньютона, похороненного два года назад. Рак крови убивал его медленно, как будто человек, вершивший свою месть. Я помню его проницательный взгляд, когда он, уже передвигаясь в инвалидной коляске, укрывшись клетчатым пледом кофейного цвета, рассказывал о параллельных мирах, загадках космоса и парадоксах будущего времени. Он был писателем – все его книги о квантовой физике стали бестселлерами. Только одну он не успевал выпустить, как сам уточнял, самую важную из его работ. Именно мистер Роуз помог справиться миссис Ньютон с вопросом наследства, и она получила возможность управлять им, не ожидая полгода, что поправило их тогда не очень стабильное финансовое положение. Сейчас редактированием последней рукописи отца занималась практически одна Анна, желая издать книгу ко дню папиного рождения – пятого октября. Для нее смерть папы стала слишком большим потрясением, хотя она понимала, к чему все идет, ухаживая за отцом в последние месяцы. Но что-то в день его смерти умерло и в Анне. Что-то умирает внутри каждого из нас, когда мы теряем близких.

Для меня это тоже оказалось тяжелой потерей – я росла без отца, и мистер Ньютон всегда был ко мне особенно добр и внимателен. Его умные голубые глаза, которые унаследовала от него Анна, всегда смотрели на нас так, будто все знали наперед.

– Жаль, Эмбер не успела с ним познакомиться, – сказала Анна охрипшим голосом.

– Да… знаешь, мне кажется, твой папа понял бы намного больше касаемо ее смерти. Как он говорил? Иногда на много разных вопросов бывает один и тот же ответ. – Немного задумавшись, я спросила: – Не хочешь заехать ко мне домой? Заберем Монику, поговорим. Нам есть что обсудить.

Анна отрицательно покачала головой.

– Встретимся немного позже. Мне нужно поспать, прости, я совсем не соображаю…

Такова была специфика организма Анны, из-за стресса она могла уснуть где угодно, как угодно и на сколько угодно. Иногда я завидовала такой ее особенности.

– Погоди, а где Кэтрин? – я завертела головой, обратив внимание, что пока еще еле заметный туман начинает опускаться на город.

Каркнула ворона, мы поежились.

– Ее забрали родители. Она и пискнуть не успела.

– Что-то случилось?

– Не знаю. Выглядели они воинственно. Я ее набирала, телефон отключен.

Почему-то мне это не понравилось. Казалось бы, ничего сверхъестественного, но под ложечкой неприятно засосало. Или это уже я придаю всему слишком большое значение, подозревая везде подвох?

Взявшись под руки, мы пошли через кладбище к дороге. К полудню погода в Эмброузе часто портилась, но в тот день время, казалось, остановилось, не давая осознать, когда закончилось утро и начался день. Разговаривать не хотелось, слез не осталось. Распрощавшись, мы с Анной разъехались в разные стороны. Я кинула последний взгляд на могилу Эмбер.

Встретимся во сне.

* * *

Я села на переднее сиденье машины и поцеловала маму в щеку. Она улыбнулась краешками губ и, отъехав на приличное расстояние от кладбища, сказала:

– А у меня приятная новость. Кажется, речь мистера Роуза в разговоре с мистером и миссис Джонс заставила сменить их гнев на милость. Моника больше не под домашним арестом. Сейчас завезу тебя к ней.

– Лучше бы они осознали, что перегибают палку, немного раньше и пустили ее на похороны Эмбер, – пробурчала я, хотя сама с облегчением вздохнула, так как знала, что родители Моники, говоря о наказании, слов на ветер не бросают.

– Они бы ни в каком случае не отпустили ее сегодня. Это своего рода воспитание. Жесткое, но действенное, по их мнению.

– Чушь собачья! – выпалила я.

Мама кинула на меня быстрый взгляд и на удивление сговорчиво сказала:

– Согласна.

Я смотрела в окно, думая, с чего начинать разговор с Моникой. Знает ли она о переезде мистера Роуза и о том, что дело закрыто?

Тут мои мысли плавно перетекли назад на кладбище, где под сырой черной землей лежала Эмбер.

Она мечтала стать чирлидером, а после начать карьеру модели. Банальные мечты красивой девушки пятнадцати лет, но почему-то никто никогда не сомневался, что так и сложится ее судьба. Ведь у нее было то, чем могла похвастаться не каждая девушка, – харизма. А теперь об Эмбер будет напоминать смерть. Но ведь тот, кто убит, по-настоящему никогда не умирает, ведь его жизнь украдена раньше времени, верно? И стоит ли так зацикливаться на ее призрачном образе… или лучше отпустить в попытке не представлять, как бы Эмбер собиралась с нами на выпускной, как бы радовалась, став королевой школы? Как студенткой приезжала бы в гости и всегда находила время для того, чтобы быть рядом, когда в ней нуждались?

Калейдоскоп из разных возможных сценариев жизни Эмбер, которым не суждено теперь сбыться, крутился у меня в голове, пока со мной не заговорила мама:

– На похороны пришло много людей…

– Эмбер была популярной девушкой.

– Мм… а тот парень, который подходил к тебе? Алекс Картер, кажется.

Я почувствовала себя неловко и, поерзав на сиденье, просто неопределенно кивнула головой.

– Вы с ним дружите?

Я промычала что-то неразборчивое.

– Я знаю его родителей, это хорошая семья. Правда, как по мне, слишком легкомысленно позволяют ему заниматься рискованным спортом. Ему только исполнилось восемнадцать лет.

– Они поддерживают его страсть, разве это плохо? – нахмурилась я.

– Возможно, ты права, но чаще всего, запрещая что-то своему ребенку, даже если он это любит, ты делаешь это ему во благо.

Впервые в своей жизни мне очень захотелось, чтобы разговор с мамой сошел на нет. Обычно мы могли обсуждать любые темы, часто наши мнения расходились, но в этот раз я чувствовала что-то вроде неприязни к тому, что она говорила.

– Этот Алекс… он ведь тебе симпатичен, да?

Я, широко раскрыв глаза от удивления, посмотрела на маму. Ей всегда хватало такта не озвучивать очевидные вещи, способные меня смутить, чтобы и так дать хороший совет, когда я спрошу, но тут она как будто спешила высказаться и поскорее перевести тему.

Я вновь повернулась к окну, пожав плечами. Рано или поздно я бы сама рассказала об Алексе, сейчас же просто не знала, куда себя деть.

– Кхм, так вот, – продолжила она, – скоро начнется школа, ты перешла в старшие классы. Я не знаю, к чему ведет ваше общение, но тебе не кажется, что сейчас лучше сконцентрироваться на учебе? Понимаю, тебе пятнадцать, самое время влюбиться в первый раз, но ведь стоит помнить, Алекс выпускник, и наверняка следующим летом он уедет в университет, ты только обречешь себя на слезы. Более того, он же любимчик Эмброуза, от таких ничего хорошего ждать не приходится. Он вроде милый парень, но… Элисон?

Мама удосужилась оторваться на секунду от дороги, увидела выражение моего лица и сейчас в удивлении хмурилась. Еще никогда я не смотрела на нее чуть ли не враждебно. Она всегда была очень лояльной, разрешала мне больше остальных родителей, а сейчас тот же человек, увидевший, что я всего лишь разговаривала с парнем, говорит, будто это не то, что мне сейчас нужно?

– Мама, он подошел сказать слова в поддержку Эмбер, а ты уже себе придумала бог его знает что…

– Я старше и знаю, как это все начинается. Просто сейчас…

– Вот именно, просто сейчас, – начала закипать я, – просто сейчас очень вовремя поучать меня, когда о нем я думала меньше всего!

– Элисон, ты юная девушка, которая…

– …которая едет с похорон одной из лучших подруг. Мне было бы достаточно посидеть в мирной тишине, услышать, что все образуется, или просто помолчать, приберечь этот разговор на другое время, как считаешь?

Мама смотрела на меня, я на нее, в глазах обеих читалось недовольство. Меня неприятно удивило, как быстро она забыла, что Эмбер убили, мы ведь только простились с ней. Мама же была шокирована моим тоном: ранее разговаривать с ней в такой манере я себе не позволяла. Но ведь раньше и причин для такого не было.

– Останови машину. Дальше сама пойду, тут к Монике недалеко.

Мне казалось – еще момент и она откажет, но, тяжело вздохнув, мама припарковалась у тротуара. Я вышла и, даже не попрощавшись, быстрым шагом пошла вперед.

– Элисон, если хочешь, позови Монику на ночевку! – крикнула мама вслед, выглядывая из бокового стекла.

Подозревая, что таким способом она объявляет мировую, я только махнула рукой.

Что-то где-то и в самом деле пошло не так, если уже в который раз за последние два дня привычный мне мир рушится на глазах.

* * *

Моника жила буквально в пяти минутах ходьбы от моего дома. Я шла, лениво пиная камень перед собой. Мой маленький рюкзачок мешался под ногами, я пару раз чуть не запнулась, но даже толком этого не замечала, продолжая думать о своем.

Говорят, когда свежая земля похоронила человека, наступает что-то вроде умиротворения. Я же чувствовала только смятение и еще страх, мое подсознание намекало на то, что самое ужасное впереди. Предчувствие беды не отпускало ни на секунду. Ссора с мамой лишь обнажила то, насколько, оказывается, я была напряжена.

Нужно срочно обсудить все с девочками. Я уверена, каждой из нас есть что сказать. Самое время выразить словами то, что происходит у каждой из нас внутри.

Я увидела Монику еще до того, как она заметила меня, – положив подбородок на коленки и обняв сама себя, она сидела на ступеньках у крыльца, грустно глядя куда-то перед собой. Сердце защемило от этой картины, и я, ускорив шаг, уже через пару секунд приблизилась к лужайке ее дома. Моника подняла голову, и ее красивое лицо озарилось мягкой улыбкой. Вскочив, она подбежала ко мне и, преодолев в два прыжка расстояние между нами, нырнула в мои объятия. Но тут же отстранилась, тревожно вглядываясь мне в глаза:

– Как прошло? Как ты?

– Нормально… а ты?

– И я…

И мы разрыдались, цепляясь друг за друга, словно за спасательный круг. Она вытирала мне слезы, они вновь бурным потоком лились из глаз, я перебирала ее черные длинные волосы, пока она не перестала всхлипывать. Родной, считай,

сестринский запах Моники вскоре подействовал как глоток из волшебной чаши успокоения.

– Мне так жаль, что тебя не пустили, Моника!

– Мне тоже, – усаживая меня рядом возле себя на ступеньки, ответила она. – Где девочки?

– Анна поехала домой спать. Договорились созвониться после обеда. Кэтрин забрали родители, я даже глазом моргнуть не успела…

– Что-то случилось? – казалось, нервы Моники были на пределе.

– Не знаю… на звонки она не отвечает, попробую набрать еще позже.

– А как все… ну, как прошли сами похороны?

– Все прошло… спокойно… мистер Роуз пообещал позвонить твоим родителям насчет наказания. Посчитал его несправедливым. Нас он не винит, – тихо добавила я, но почему-то после этих слов почувствовала себя еще более виноватой, чем прежде.

Моника принялась нервно дергать шнурки своих конверсов.

– Не знаю, что он сказал маме, но это впервые в жизни подействовало, и наказание снято раньше времени. Вспомни предыдущие разы: ни родители Кэтрин, ни твоя мама, которую мои всегда выделяют, ни даже мистер Ньютон со своим авторитетом не могли переубедить родителей, если я уже была за что-то наказана… а тут один звонок от мистера Роуза, и все.

Я быстро облизнула пересохшие губы.

– Но ведь не это самое странное. Ты знаешь о том, что он закрыл дело об убийства Эмбер?

– Да, черт возьми, и знаешь что…

Тут входная дверь за нашими спинами медленно отворилась и показалась мама Моники с подносом, на котором стояли два прозрачных стакана, наверняка с ее фирменным имбирным соком.

– Здравствуй, Элисон, – сохраняя безупречную осанку, она передала поднос Монике, – как ты?

Повинуясь какому-то отчаянному порыву, я ответила, глядя прямо в ее глаза, они были бы отражением Моники, не будь в них столько холода:

– Как подруга девушки, которую не пустили на похороны лучшей подруги.

Сказав это, я тут же прикусила язык. Но на удивление миссис Джонс только широко улыбнулась.

– Что ж, я всегда говорила – вы с Моникой чем-то похожи. Твоя дерзость напоминает мне дочь, в такие моменты я понимаю, что вы похожи больше, чем на первый взгляд, не зря дружите с пяти лет.

Моника откинула волосы назад, явно довольная сравнением. Я же в который раз в своей жизни попыталась понять, нравится мне ее мать или нет. Ей было уже за пятьдесят – Моника единственный и поздний ребенок в семье. Выглядела миссис Джонс роскошно – в дорогом черном платье немного ниже колен, с бусами из жемчуга на шее и элегантно уложенным каре она походила на истинную железную леди, и стоит признать, работа в сфере политики на протяжении двадцати лет ее такой и сделала. А вот мистер Джонс выходил из дома редко, предпочитая пить ромашковый чай и разгадывать кроссворды. Он работал вместе с женой, на его характере это отразилось не так категорично, вот только к Монике отношение у них было одинаковое – излишне строгое и крайне прохладное. Монику это уже не так задевало, как раньше, она лишь неопределенно пожимала плечами, когда что-то касалось ее родителей. Меня же это сильно озадачивало, я росла в нескончаемой материнской любви, и такое равнодушие к своим детям меня поражало.

– Я пойду в дом… или Элисон хочет еще раз мне нагрубить? – улыбнулась миссис Джонс.

Я не чувствовала за собой особой вины, но предательский румянец все-таки появился на моих щеках.

– Эм… простите… можно, Моника переночует у нас? Не хочу сегодня оставаться одна, да, думаю, и она тоже…

Миссис Джонс внимательно посмотрела на меня, а после сказала:

– Да.

Больше ничего не добавив, она зашла в дом. Моника облегченно вздохнула и побежала наверх, чтобы захватить кое-какие вещи, я же осталась на крыльце допивать имбирный сок.

Мы успели прийти ко мне домой прежде, чем в Эмброузе начал моросить дождь. Тучи повисли над городом, создавалось впечатление, будто уже начало темнеть. Мрачные сиреневые тени создавали дымку безысходности – солнцу, казалось, уже не бывать.

– Здравствуйте, мисс Блэк.

– Здравствуй! – кивнула мама и скрылась на кухне.

Моника, переминаясь с ноги на ногу, неуверенно смотрела туда, где она только что стояла.

– Элисон, а твоя мама не против?..

– Она сама предложила тебя позвать, – тоном, не терпящим возражений, ответила я, и мы поднялись в мою комнату.

Я еще пару раз позвонила Кэтрин – безрезультатно.

Кинув рюкзак на кровать, Моника подошла к окну и, обняв себя за плечи, сказала:

– Твоя мама очень хорошая, правда.

– И именно поэтому она недовольна моим общением с Алексом, – хмыкнула я, садясь на один из пуфиков у окна.

Моника обернулась, моргнула один раз, второй и, усевшись напротив меня, с подозрением спросила:

– Это ты сейчас о чем?

Вздохнув, я в двух словах рассказала о ссоре.

– …что очень обидно, несправедливо с ее стороны так делать, тот же самый Алекс подошел сказать слова поддержки, а она нашла время меня поучать…

В этот самый момент мама зашла в комнату и поставила на подоконник возле нас чашки с кофе.

– Благодарю, мисс Блэк, – сказала Моника, сразу взяв одну и отхлебнув. Ее глаза тут же в удивлении расширились.

– Капелька вишневого ликера Эмброуза еще никому не причиняла вред, – подмигнула нам мама, выходя из комнаты.

Я с улыбкой закивала головой и, взяв чашку, принялась греть ею свои ладони.

Моника продолжала еще некоторое время смотреть на дверь, за которую вышла моя мама, потом неуверенно спросила:

– Может, она просто переживает, чтобы у тебя не сложилось так, как у нее? Мисс Блэк замечательная, независимая ни от кого женщина, но ведь поначалу ей наверняка пришлось несладко…

– Да, с шестнадцати лет она жила сама, а в семнадцать уже родила меня, притом работая в баре…

– …зато потом стала администратором «Безумного Роджера» и подняла его с колен, попутно самостоятельно воспитывая дочь, которая сейчас одна из лучших учениц… Это под силу не каждой. Просто она опасается, чтобы тебя не постигла та же участь – преждевременная беременность, побег незадачливого отца. Да, в отличие от мамы, ты получишь поддержку, но ей едва ли от этого лучше.

Я задумалась, как часто наши родители опасаются, чтобы мы не повторили их ошибок, путая свою жизнь с нашей.

– Поговори с ней, найди время и объясни, что грустная история не обязательно повторяется дважды. К тому же это будет не зря – кажется, ты и в самом деле нравишься Алексу.

Я посмотрела на Монику – черные блестящие волосы струились по ее плечам, а большие карие глаза выражали искреннее сопереживание. Завести с этой хулиганкой дружбу на детской площадке десять лет назад было моим самым верным решением в жизни.

– Я найду время и слова, чтобы объясниться с ней.

– Так-то лучше! – подмигнула Моника, отхлебнув еще горячий кофе.

Внезапно ожил мой телефон.

– Кэтрин! – воскликнула я, радуясь, что подружка наконец-то дала о себе знать.

Разговор получился коротким, она сразу перешла к тому, что предложила встретиться где-то около семи в «Бетти Буп».

Голос у нее был уставший, а на расспросы, куда она делась с похорон, Кэтрин не пожелала ответить, сославшись на то, что объяснит вечером.

Моника пожала плечами, мол, чего гадать, вечером Кэтрин сама расскажет.

– Элисон, ты мне скажи, мистер Роуз уточнял, когда он собирается переезжать?

– Нет. Его переезд, отказ от расследования… Что творится в его голове, страшно и представить.

– Касаемо переезда, тут логично – здесь все повсюду будет напоминать ему об Эмбер, не спрятаться, не скрыться. Я бы на его месте сделала так же. Но вот то, что он собственноручно закрыл дело… Мне всегда казалось, что мистер Роуз поймает и обезвредит всех негодяев, потому что иногда он мне больше напоминал не адвоката, а бравого детектива, только плаща да шляпы не хватало… А тут он спускает на тормозах расследование убийства собственной дочери.

– Лично меня еще интересует, КАК он это сделал…

– О, малышка Элисон, – глядя на меня, как на дитя малое, покачала головой Моника, – мистер Роуз отличный адвокат, о нем часто пишут в газетах, да и по телевизору показывать не забывают. Он дружит с прокурором Нью-Йорка, а главный судья Сиэтла – его друг еще со школы. Наш мэр – какой-то очень дальний его родственник, возможно, поэтому в свое время они с Эмбер сюда и переехали. Да и сам мистер Роуз не последний человек в своих кругах. Когда у тебя есть деньги, связи и влияние, то мало что невозможно. У мистера Роуза есть это все – закрыть дело спустя день с начала безрезультатного расследования для него проще простого.

– Хорошо, – не стала я спорить, – тогда зачем?

– А это уже совершенно другой разговор. Но что-то мне подсказывает, спроси мы его об этом прямо в лоб, он не ответит.

Мысленно согласившись, я, чувствуя неловкость, спросила:

– Моника… а шериф тебя спрашивал… про второй этаж?

– Да. Я ответила, как и договаривались. Больше вопросов он не задавал. Сомневаюсь, что ты отделалась бы так же легко. Если мистер Роуз доверяет нам в одинаковой мере, то остальные едва ли. Спасибо маме с папой, впервые не жалею, что я их дочь.

– И все-таки зря мы перевели стрелки на тебя, – заламывая пальцы, простонала я.

– Правильно сделали! – отрезала Моника. – Чем дольше я об этом думаю, тем больше убеждаюсь, что Эмбер упомянула тебя, потому что ты первая, кто пришел ей в голову. А учитывая твое признание, что ты фактически была последней, кто видел Эмбер живой, прежде чем она растворилась на вечеринке, это был лучший выход для отвода подозрения. Ко мне до сих пор никаких вопросов нет, так что забудь об этом.

Очень жаль, что уверенность Моники не передавалась мне, но менять что-либо было поздно.

Мы молча уставились на пейзаж за окном. Подул ветер, сорвав с ближайшего дерева пару листьев и, закрутив их, понес ввысь. Приближается осень.

– Ты думала над тем, кто это мог быть? Кто столкнул Эмбер с лестницы? – спросила меня Моника.

Воспоминания о той ночи вызвали дрожь, во рту пересохло. Я неуверенно начала:

– Видишь ли… на втором этаже было достаточно людей. Не знаю, заметила ты или нет, но, когда мы были на допросе в участке, мы уже ушли, а «французы» все еще были у шерифа… их допрос длился значительно дольше нашего.

Я стыдливо поерзала на пуфике и продолжила:

– Не могу сказать, что подозреваю кого-то из них… просто выглядит это и в самом деле подозрительно.

Моника почему-то перешла на шепот:

– Несмотря на данное родителями обещание больше не пользоваться служебным положением, они очень активно интересовались, как продвигается расследование… когда оно еще было. Так вот, «французы», по словам девочек, с которыми ранее говорила Эмбер, утверждают, что парни сидели на втором

этаже в комнате Брайана. Как только стало ясно, что в гостиной произошло что-то из ряда вон выходящее, Алекс и Питер выбежали узнать, что случилось.

– А Дэвид? Он разве был не с ними?

– Был, но они с Фредом остались в комнате. Девочки утверждают, что «французы» спорили с ним о чем-то.

Я лихорадочно начала вспоминать детали вчерашнего вечера.

– Я разговаривала с Алексом, потом его забрал Питер, и они пошли на второй этаж… выглядел Питер недовольным, попросил Алекса поговорить с кем-то. Может быть, с Дэвидом? И выглядел Алекс после этого хмурым…

– Не думаю, что это как-то связано… Хотя в таких ситуациях важна каждая мелочь.

– Истина – в деталях. Мы, как уже справедливо заметила Кэтрин, мало на что обращаем внимание, особенно если это касается не нас.

– Хорошо, – кивнула Моника, – а что скажешь насчет Лили?

Я укоризненно посмотрела на нее, поняв, куда она клонит.

– Ну а что! – возмутилась подруга. – А то все такие святые, подозревать прям некого! И тут еще Лили: «А я вся такая невиновная, ничего вообще не знаю».

– Моника, ее на вечеринке вообще не было. И ты сама прекрасно понимаешь, такую яркую личность, как Лили, там уж точно заметили бы.

Моника фыркнула:

– Хорошо, но со счетов ее не сбрасываем. Знаешь, а ведь мотив так же важен, как и убийца. То есть Эмбер ни явно, ни скрытно ни с кем не конфликтовала. Она вообще, кроме нас, ни с кем особо не общалась.

– Но убийцу наверняка знала… – от наступающего страха меня начало знобить, – …и мы тоже должны его знать – на вечеринке незнакомых не было.

– В Эмброузе незнакомых друг другу вообще нет. Давай зайдем с другой стороны. Можем ли мы сказать, что Эмбер изменилась в последнее время? Я имею в виду ее поведение?

Я закусила губу, проматывая в голове наше лето и не вспоминая ничего странного или из ряда вон выходящего. В поведении Эмбер не было ничего, указывающего на переживание или страх. Ничего такого, что заставило бы юную девушку переживать, что ее могут убить. Она вела себя как ни в чем не бывало – весело и задорно, как и надлежит пятнадцатилетней девушке на летних каникулах. Плохой загар – единственная проблема, приближающаяся школа – то самое, что портит настроение.

– Может, Эмбер узнала то, что не должна была знать? Но не придала этому особого значения?

– Ты имеешь в виду работу мистера Роуза?

– Предположим. И кстати, – уверенно продолжила Моника – это могло вызвать у него чувство вины.

– Даже не знаю. Эмбер никогда не выглядела заинтересованной работой отца. Разве что случайно стала свидетелем чего-то…

За окном незаметно садилось солнце. Где-то ухнула сова, дождь почти перестал моросить.

– Не могу поверить, что это случилось с Эмбер… что это происходит с нами, – Моника напряженно смотрела на вид за окном, будто приближающейся вечер знал некую тайну.

– Если не хотим опоздать, давай собираться, – нехотя вставая с теплого места, сказала я, – думаю, у девочек тоже есть свои мысли касаемо происходящего. Да и Кэтрин наверняка есть что рассказать.

Неоновые вывески «Бетти Буп» окрашивали молочный туман в ярко-розовый цвет. Внутри все было в вишнево-красных тонах, маленький телевизор круглосуточно крутил короткометражки 30-х годов о мультипликационном секс-символе времен Великой депрессии. Параллельно старое радио пело голосами Chordettes «Lollipop», и создавалось впечатление, что вы попали в девяностые. Как ни странно, за такую атмосферу школьники Эмброуза и любили эту закусочную.

Кэтрин и Анна уже сидели там, неспешно попивая фирменные клубничные коктейли за самым дальним столиком.

– Я заказала вам по карамельному шейку, – не отрываясь от трубочки, сказала Анна.

– Благодарим, – кивнула Моника.

Я села рядом с ней, напротив девочек, и мой взгляд тут же невольно привлек вид за окном: там располагалась заправка мистера Тони. Вывеска перед магазинчиком неуверенно мигала надписью «Открыто», а луна на небосводе, окутанная кровавой дымкой, мрачно висела над старым зданием. Я поежилась, удивляясь тому, как это место еще не закрыли.

– Моника, как там с родителями?

– Добби свободен, – хмыкнула она.

Несмотря на ее непринужденный тон, как-то сразу стало ясно, что данную тему развивать ей не хочется, поэтому Анна тактично повернулась к Кэтрин.

– А ты куда исчезла сегодня утром?

– Когда вы разбежались, внезапно появились мои родители и чуть не за шкирку потащили меня в машину, ничего не объясняя. Это скорее было похоже на похищение, по правде говоря.

– И куда тебя повезли?

– К гинекологу, – затем как ни в чем не бывало Кэтрин занялась своим молочно-клубничным коктейлем.

– К… к гинекологу?

– Ага.

Мы с девочками в недоумении переглянулись.

– И как это было? – спросила я.

– Больно, неприятно и унизительно.

– Стойте-стойте… – замахала руками Моника, останавливая наш диалог. – Кэтрин, тебя забрали прямо с похорон Эмбер, чтобы отвезти к гинекологу. Скажи зачем, не ходи вокруг да около.

– Хорошо. Не буду. У Эмбер был любовник.

Моника подпрыгнула на диванчике, Анна охнула и пролила на себя остатки коктейля. Наблюдая, как густая розовая жидкость растекается по столу, я, открыв рот в немом шоке, пролепетала:

– Ладно, Кэтрин, давай-ка поподробнее.

Моника помогала вытереть стол, руки ее дрожали, а Анна, даже не замечая, что розовые вязкие капли падают ей на штаны, чуть не накинулась на Кэтрин:

– Что? Ты хотя бы понимаешь, что говоришь? С чего ты взяла?

– Это я уже поняла, когда окончили осмотр, – Кэтрин в омерзении поерзала. – Меня туда привезли и, ничего не объясняя, просто посадили на кресло. Родители ждали в коридоре, поэтому, когда врач сказала, что можно одеваться, я спешно влезла в свою одежду и хотела выйти за ней в коридор, но услышала от мамы имя Эмбер и решила не спешить.

– Ты подслушала? – коварно блеснув глазами, спросила Анна.

– Я бы сказала «решила разобраться на месте», – гордо вскинув голову, ответила Кэтрин. Мы вяло улыбнулись, а она продолжила: – Врач сказала, что у меня все на месте, не стоит переживать. Добавила, что, если у Эмбер были интимные связи, вовсе не обязательно, что у меня они тоже есть. Скажи она это им раньше… Хотя, зная, какие мои родители паникеры, неудивительно, что они решили проверить, не вкусила ли я запретного плода.

– У Эмбер был любовник… А нам она все лето ныла о том, как ей хочется расстаться с девственностью… – мой голос дрогнул, и я замолчала, не зная, что меня поразило больше: то, что Эмбер с кем-то спала, или то, что она нам об этом не рассказала.

– А ведь это совершенно меняет дело! – стукнула Моника ладонью по столу.

Некоторые из посетителей недовольно повернулись в нашу сторону, и, понизив голос, Моника продолжила:

– Наличие у Эмбер тайной половой жизни дает нам и убийцу, и мотив.

– И объяснение того, почему мистер Роуз не захотел дальше вести дело! – подхватила я.

– Ну, конечно! – воодушевилась Анна. – Не думаю, что Эмбер скрывала отношения просто так. Наверняка из-за нежелания озвучивать имя того, с кем спала. Может, это кто-то значительно старше нас? Наигрался и решил расстаться с ней? Произошла ссора, что привело к убийству. Нет девушки, нет проблемы. Или она порвала с ним? Вот на почве ревности Эмбер и столкнули с лестницы. Вопрос в том, почему она не доверилась хотя бы нам? Мы бы в жизни ее не выдали… Кэтрин, может, тебе Эмбер хоть что-то говорила? Думаю, самое время рассказать. Как видишь, ее тайна ни к чему хорошему не привела.

– Ничего она мне не говорила, – с тенью обиды в голосе пробормотала Кэтрин. – Только накануне упоминала, что у Брайана может быть вечеринка и ей очень нужно туда попасть.

Я свела брови у переносицы, вспоминая, как Эмбер в тот вечер так и мелькала у меня перед глазами по всему дому, пока не исчезла на втором этаже.

– Она кого-то искала… Наверняка пришла ради него, подбив нас идти вместе с ней. Была уверена – он придет на вечеринку.

– Ты думаешь, ее любовником был кто-то из школы? – с отвращением спросила Моника. – Тогда версию с разницей в возрасте можно смело откинуть, у Брайана в гостях самые зрелые – прошлогодние выпускники, они еще тупее наших с вами одноклассников.

– Смотрите, тогда все совпадает, – Анна лихорадочно начала загибать пальцы на руке. – У Эмбер был любовник, возможно, кто-то из школы, с кем они по какой-то причине не афишировали отношения. Произошел конфликт, Эмбер хотела помириться, поэтому, зная, что он по-любому будет на вечеринке, отправилась туда и, конечно же, потащила нас за собой – меньше вопросов и подозрений для всех остальных. По прибытию кинулась его искать, а как нашла, уединилась с ним на втором этаже, но помириться не получилось, может быть, стало настолько хуже, что он в порыве ненависти столкнул Эмбер с лестницы – кто там, среди пьяных обезьян, может что-то заметить.

– А может, он ее просто с кем-то увидел и приревновал? – предположила Кэтрин. – Ну, знаете, ревновать – убивать.

– Возможно. Скажи, из подслушанного разговора получилось еще что-то понять?

– Только то, что при вскрытии тело Эмбер осмотрели вдоль и поперек, пытаясь во всем разобраться. Но, как видите, вслух нам признались только в том, что у нее синяк на солнечном сплетении и гематомы на правой руке. Может, и вправду убийство на почве ревности? Ведь не зря говорят: ревность и любовь можно смешивать, но лучше не взбалтывать.

– Согласна, но, черт возьми, а что еще они могут скрывать? – глаза Моники недобро блеснули. – Зато теперь ясно, почему мистер Роуз так оперативно закрыл дело. Узнал то, что ему нужно было. Да и наверняка не хотел, чтобы город об этом сплетничал. Пусть для нас она остается соседской девушкой с американской мечтой. Вот только кто этот таинственный любовник?

– Потенциальный убийца, – откинув белокурые волосы назад, сказала Кэтрин. – И, если мистер Роуз уже знает его имя, скоро его руки будут по локоть в кровавой мести.

– Кэтрин, побойся Бога, мистер Роуз не Дон Корлеоне!

– Это может быть кто угодно. Эмбер была девушкой веселой, умной, исключительной красоты. Сомневаюсь, что кто-то устоял бы при ее желании познакомиться поближе. А вы же ее знаете… Знали. Флирт был ее стилем общения.

– Ума не приложу, кто это может быть, – устало рассуждала Анна. – Да, она могла закрутить интрижку с кем угодно, и да, не говорить об этом нам тоже имела право. Но ведь Эмбер не казалась кем-то заинтересованной. Такое ведь тяжело скрыть в кругу подруг, ведь вот как бы Элисон ни пыталась, а видно, что она влюбилась в Алекса…

– Эй!..

– А вот то, что она занималась сексом, скрыть ей удалось! – отрезала Моника. – Значит, и симпатию вполне могла искусно при нас подавлять.

Немного поразмыслив, я грустно добавила:

– Если прокрутить кое-какие моменты, то отдельные детали поведения Эмбер не кажутся такими уж и непримечательными. Вот, например, сколько раз у нее находились дела, когда мы собирались куда-то идти, хотя до этого она сама и являлась инициатором идеи: предлагала пойти позагорать, а в последний момент вспоминала, что ее очередь готовить ужин…

– Или в тот раз, когда мы шли на пикник на гору Влюбленных, а она не явилась, потому что папа попросил привезти ему кое-какие бумаги в офис…

– Однажды мы должны были пойти за покупками, но в последнюю секунду у Эмбер заболел живот… а она и с температурой под сорок не пропускала шопинг.

Я покачала головой.

– Люди и впрямь совершенно невнимательны к тому, что происходит вокруг. И к чему это приводит? К убийству у всех под носом.

– Может закончиться тем, – тяжело вздохнула Кэтрин, – что кого-то из нас до смерти забьют битой, а рядом поставят туфлю с поломанным каблуком и скажут, что это несчастный случай. Только на этот раз все поверят. И знаете, как-то даже не укладывается в голове, что Эмбер скрывала от нас происходящее в ее в жизни.

– Доверяя человеку свои секреты, ты даешь ему оружие против себя, – мудро изрекла Моника, подняв вверх указательный палец.

– Значит, ты тоже не до конца правдива с нами? – приподняла правую бровь Анна.

– К сожалению… или тут уже к счастью… моя личная жизнь не бурлит, как у Эмбер. Сбившийся цикл в два дня – вот и все мои приключения. Но… – она обвела нас всех взглядом, – может, кто-то другой хочет признаться в своих любовных похождениях, так, на всякий случай. Нет? – Моника побарабанила пальцами по столу.

– Интересно, как на это отреагировал мистер Роуз? – робко спросила я. – На такие подробности личной жизни Эмбер?

– Разве сегодня утром был не ответ как? Свернул дело, как будто и не было ничего.

– Думаю, это не единственная причина, – справедливо заметила Кэтрин, – но никто из нас не узнает всей правды. Документы передадут шерифу в письменном виде, и дело будет сдано в архив.

Анна резко повернулась к Кэтрин.

– Ты имеешь в виду заключение патологоанатома?

– Да. Когда в следующий раз мистер и миссис Питерсон выйдут в смену, они передадут необходимые бумаги шерифу Хоуку – раз дело закрыто, спешить

некуда.

– А мистер Роуз не может настоять на изъятии этих бумаг?

– Нет смысла, определенный круг людей и так все знает, а решение закрыть дело уже официально подтверждено. Это просто формальности, – все еще не понимая, куда клонит Анна, ответила Кэтрин.

– Когда в следующий раз мистер и миссис Питерсон выходят в смену?

– Послезавтра, а что?

Анна в нетерпении взяла Кэтрин за плечи.

– А перед этим мы можем как-то взглянуть на эти бумаги? Прочитать полное заключение судмедэкспертизы?

Зеленые глаза Кэтрин широко раскрылись, она медленно произнесла:

– А ведь можем! У моей мамы тоже смена послезавтра. Они с миссис Питерсон всегда обедают вместе. Ключи от кабинета и ящиками с документами на одной связке, я смогу как-то их стащить. У нас будет целых полчаса, пока они вернутся с перерыва.

– А вдруг кто-то вернется раньше? Что-то забудет, например?

Кэтрин снисходительно посмотрела на нас.

– В больнице будет обед, и пусть хоть Кеннеди воскреснет, моля о помощи, они с места не сдвинутся. Но мне нужен кто-то, кто покараулит двери, пока я буду искать то, что нам нужно. Все не пойдем – привлечем слишком много внимания.

– Я пойду.

– И я могу.

– Элисон, ты уже забрала освобождение от физкультуры? – спросила меня Кэтрин.

Каждый год мама Кэтрин делает мне справку, благодаря которой я еще жива – спорт явно не для меня.

– Нет, я даже не знала, что она уже готова.

– Тогда пойдем вместе, это будет нашим предлогом.

– Что ж, тогда решено. Нужно брать все в свои руки. Про Эмбер мы знаем больше полиции, мы ведь были лучшими подругами, у нас преимущество, она нам как-никак доверяла…

– Как оказалось, недостаточно, – глядя куда-то перед собой, пробормотала Моника.

– Ты что такое надумала, Кэтрин?!

Мы в унисон посмотрели на подругу – опешив. Она пожала плечами и выпила какую-то янтарную жидкость из маленькой бутылочки без этикетки.

– Расслабляю нервы и вам советую.

Моника выхватила пузырек у нее из рук, понюхала, скривилась и принялась махать им перед лицом Кэтрин.

– Ты совсем обалдела? Пить виски, как воду, в «Бетти Буп»?

– Я же сказала, это для того, чтобы успокоить расшатанные нервы, с самого утра сплошной стресс.

Я кинула на нее укоризненный взгляд.

– Думала, после вечеринки Брайана ты еще не скоро притронешься к алкоголю.

Неожиданно Кэтрин вспылила, выдернув у Моники назад свой виски.

– Знаете что, я вам даже больше скажу, еще одни похороны или поход к гинекологу – и я уйду в запой!

– Ты хоть понимаешь, что тебе грозит, если твои родители услышат запах алкоголя?

– Они спят после ночной смены, я тоже приду и сразу в кровать. Не драматизируйте, прошу.

Казалось, спорить с Кэтрин в тот момент было бесполезно. Оставалось надеяться, что это не войдет у нее в привычку.

– Оу, думаю, нам пора, – сказала я, увидев, который час.

– Тоже родительский контроль? Но мы еще не все обсудили…

– Завтра увидимся. Не думаю, что каждый из нас высказался в полной мере, но уже голова мало соображает.

Когда мы расходились, крепко обнялись, не веря, что пережили этот день. Старшеклассницы, для которых ужас наяву только начинался.

* * *

В понедельник утром небо было заряжено приближающимися грозами. Город, казалось, застыл в ожидании чего-то. Я изо всех сил старалась не показывать свою душевную маету, и пока у меня получалось не так уж плохо.

Мы с Моникой до четырех утра строили теории и догадки о том, кто был любовником Эмбер, за что ее убили и что еще она могла скрывать. Ближе к утру к нам по фейс-тайму присоединились девочки, споры продолжились с новой силой, порой грозя перерасти в грандиозные баталии. Мнения о правоте мистера Роуза разделились. Мы с Моникой категорически отказывались понимать, как он мог закрыть дело, не посадив убийцу за решетку, и о памяти ли Эмбер он

переживал, или о своей репутации? Анна и Кэтрин не были столь категоричны, в конце концов, мистер Роуз наверняка знал больше нашего и у него имелись свои причины и мотивы для определенного рода действий. Более того, кто знает, какую игру они будут вести с шерифом до отъезда мистера Роуза? Мы продолжали выдвигать разнообразные идеи касательно развития событий, все громче перебивая друг друга, пока сонная мама не пришла отобрать мой телефон, добавив пару незлобных, но многообещающих слов, которые Моника тут же приняла к сведению, после чего достаточно быстро засопела рядом. Я же еще некоторое время всматривалась в окно, где сквозь шторы просачивался лунный серебряный свет, боясь того, что может принести предстоящий день.

В «Бетти Буп» поутру было людно – многие завтракают здесь перед рабочим днем. Мы тоже не удержались, и каждая заказала по большой порции вафель с вишневым сиропом.

– От тебя несет перегаром, – нахмурилась Моника, сев около слегка помятой Кэтрин.

– Ага, и тебе с добрым утром.

Я отрешенно постукивала вилкой о тарелку, переживая, что произойдет, если завтра нас поймают на горячем. Прочитать отчет судмедэксперта, связанный с убийством, предназначенный шерифу, считается нарушением закона?

– Если ты боишься, я могу пойти вместо тебя, – сказала Моника. Иногда мне казалось, мы читаем мысли друг друга.

– Нет, что ты, – смутилась я. Слова Лили, брошенные в участке, были неприятной истиной: Моника не всегда будет рядом, пора учиться проявлять характер. Да и чего я боюсь? Со мной будет Кэтрин, она знает больницу как свои пять пальцев, более того, ей там известен любой и каждый, с ней уж точно не пропадешь.

– Завтра встречаемся у центрального входа больницы в час дня, – намазывая дополнительно заказанные тосты арахисовым маслом, сказала Кэтрин. – Увидим маму и миссис Питерсон где-то там – они обедают в кафе неподалеку.

– А потом? – спросила я, неуверенно переглядываясь с девочками, когда ожидание продолжения явно затянулось.

– А потом? – удивленно переспросила Кэтрин, после чего беспечно пожала плечами: – Будем импровизировать!

– Кэтрин, – Моника попыталась обратиться к ее благоразумию, – тебе не кажется, что импровизация не лучший выбор в таком деле?

– Взять ключи, незаметно пробраться в кабинет, сделать фотографии результатов вскрытия Эмбер… все и так продумано. Доверьтесь мне.

Довериться человеку, который сегодня перед завтраком подписался на рассылку газет про НЛО, казалось в тот момент не самым лучшим решением. Но прежде Кэтрин никогда нас не подводила, поэтому вопрос был снят с повестки дня.

– Мы будем ждать вас у меня дома, не стоит привлекать лишнее внимание, – тяжело вздохнув, подытожила Анна.

– Ты как? – спросила я у нее, когда Моника и Кэтрин отошли заказать колы.

– Не лучше и не хуже вас.

– Да, но ведь только ты из всех нас относительно недавно похоронила отца. Я знаю, ты сильная и тому подобное, просто хочу, чтобы ты помнила, мы всегда рядом, чтобы подставить тебе плечо.

Анна склонила голову набок.

– Ох, Элисон, я знаю. Просто сейчас параллельно со всем этим занимаюсь редактированием последней рукописи отца, а это забирает много энергии.

– Что-то не так?

Анна нахмурилась, как будто сама впервые задалась этим вопросом.

– Я бы не сказала… квантовая физика, тем более с точки зрения моего отца, всегда была хоть и сложной, но действительно интересной. Правда, в последней книге он больше уделяет внимание легендам, нежели фактам, что ему

совершенно не свойственно.

Я поджала губы, не решаясь озвучить свои мысли: человек умер от рака, скорее всего, это повлияло на изложение его мыслей, ведь мистера Ньютона даже нашли мертвым за столом – последние минуты жизни он посвятил написанию окончания книги.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – перебила ход моих мыслей Анна, – но ведь бывает прав один человек, которому никто не хочет верить. Поэтому я не спешу доказывать, что написанное папой – бред сумасшедшего. Больного раком.

– Сюда идут «французы», – плюхнувшись рядом со мной, успела прошептать Кэтрин, прежде чем звякнул колокольчик и в дверном проеме показалась знакомая компания.

Я, все еще находясь под каким-то странным впечатлением от разговора с Анной, лишь растерянно помахала Алексу в ответ, когда он подошел к владельцу «Бетти Буп» мистеру Робинсону делать заказ. Все остальные направились к нам, и, к нашему разочарованию, Лили была вместе с ними. На ее лице играла улыбка Моны Лизы, и я внезапно ощутила прилив необратимого раздражения от одного ее присутствия.

– Здорово! – махнул ручищей Фред.

– Привет, – вразнобой поздоровались мы.

– Надеемся, вы не против, если мы к вам присоединимся? – широко улыбнувшись, спросил Фред, попутно усаживаясь возле меня.

Разговор завязался сразу, только Лили, сидя с краю возле Питера, молча и без какого-либо выражения на лице смотрела на старенький черно-белый телевизор над барной стойкой. Фред же, казалось, пользуясь тем, что все заняты разговорами, прокашлялся, обращаясь ко мне, но так, чтобы никто не услышал:

– Элисон, наверное, не стоит и спрашивать, как дела у тебя и у всех вас?

Я в некотором замешательстве лишь пожала плечами: казалось, Фред может общаться, только находясь в центре всеобщего внимания, сейчас же он будто даже пытался стать меньше, что с его огромным ростом и широкими плечами выглядело почти комично.

– Ты в порядке? – спросила я у него, готовая уточнить, если он ответит положительно.

Фред тяжело вздохнул, кинул пару лихорадочных взглядов туда, где с мистером Робинсом расплачивались за заказ Алекс и Моника.

– Понимаешь, я хочу позвать куда-то Монику. Но боюсь, что сейчас не совсем подходящее время, она… вы потеряли подругу… или, наоборот, подходящее? Я имею в виду, что мог бы помочь ей отвлечься, прийти в себя, преодолеть это тяжелое время… Моника хоть раз говорила что-то обо мне?

С каждым словом Фреда мои глаза округлялись все больше, грозя вылезти из орбит. Я впервые видела, чтобы эта душа компании, рубаха-парень так себя вел. И была рада, что нас никто не слышит, – кто его знает, что выкинула бы Лили, став свидетелем разговора. А вот что ответить, не находила. Моника упоминала о нем раз, в участке, когда говорила, что он ее не интересует. И почему это мы так часто обсуждаем нас с Алексом, а личную жизнь Моники обходим стороной? Кто его знает, как все сложится, если она и в самом деле обратит на Фреда внимание…

– Элисон? – неуверенно повторил он, глядя на меня с немым вопросом, а я смутилась: в который раз, погрузившись в свои мысли, я забыла, что веду разговор в реальной жизни.

– Фред, почему бы тебе просто не позвать ее куда-то? Если Моника не готова, она так и скажет. Не сиди и не гадай, не ты, так кто-то другой рано или поздно это сделает.

Фред понимающе закивал головой, взъерошивая свои русые волосы рукой.

– Ты права. Знаешь, она такая красивая, я еще красивее, почему мы просто не можем быть вместе? – Фред в недоумении озвучил мысли вслух, а я прыснула.

– Мистер Роуз уже переехал или еще в Эмброузе? – спросил, ни к кому точно не обращаясь, Питер.

– Он заезжал вчера вечером к моему отцу, сказал, уедет на днях – для начала хочет установить памятник для Эмбер, – играя ингалятором в руке, ответил Дэвид.

– Мистер Роуз и твой папа дружат? – вспомнив слова Анны, спросила я.

– Да… – и как-то поникнув, Дэвид продолжил: – Где-то полгода назад у моего отца появились крупные проблемы в бизнесе: его подставили, и он в один час потерял и делового партнера, и лучшего друга. Мистер Роуз появился как ангел-спаситель, он помог отцу выбраться из финансовой ямы, куда его так вдохновленно пытался закопать некогда лучший друг. И сделал это безвозмездно. После он часто приходил к нам в гости – на чай, кофе или виски. Они играли в шахматы, спорили о политике… а когда мистер Роуз пришел вчера, я, по правде говоря, его даже не узнал. Он поседел, осунулся. Я задался вопросом: почему хороший человек обречен на страдания?

Ответом ему была тишина. О том, что мистер Роуз еще до похорон закрыл дело об убийстве дочери, никто не упомянул.

– Есть хоть какие-то новости? – спросил Питер. – Весь интернет и заголовки газет только и кричат об убийстве. Люди задаются вопросом: что же произошло на самом деле?

– Об этом знает только никто, – впиваясь ногтями в ладони, ответила Кэтрин.

Моника разжала ее кулак и взяла ладошку подруги в свою руку.

Стало видно, что парням не по себе.

Я посмотрела на Фреда, взглядом пытаясь сподвигнуть его на какое-то действие: атмосфера становилась едва выносимой. И какое было мое удивление, когда я заметила, что Алекс напротив делает то же самое – забавно играя бровями, он явно намекал на что-то другу. Мне вдруг истерично захотелось рассмеяться. Алекс, перехватив мой взгляд, состроил смешную рожицу. Фред,

недоуменно посмотрев на нас, решил, что мы не стоим его внимания, поэтому, тряхнув головой, обратился к ребятам:

– Через два дня в школу…

– А ты можешь разрядить обстановку, – не без яда улыбнулся Алекс.

Не обращая на друга внимания, Фред продолжил:

– Послезавтра мои родители уезжают из города по делам, которые меня совершенно не волнуют. Дом свободен. Так как в свете последних событий вечеринку устраивать… эмм… – тут он замешкался, подбирая подходящее слово, – …не ко времени, я на самом деле решил послушать родителей и вести себя хорошо. Но у меня есть литры отменного грузинского вина, поэтому не хотите ли вы присоединиться к нам на тихое прощание с летом?

Я представила, как бы на такое предложение отреагировала Эмбер, и только грустно улыбнулась.

– Идея неплохая, – сказала Моника, хотя ее голос не пылал особым энтузиазмом.

Фред не придал этому должного значения.

– Тогда договорились. Точное время я еще сообщу, – тут он позволил себе хмыкнуть, – уж мои родители в случае чего не открутят мне голову за пропажу почты.

В любой другой день я бы не обратила на это замечание никакого внимания, но почему-то тогда это показалось чем-то важным, и я спросила, на ходу переписывая нашу с девочками судьбу:

– Ты сейчас о чем?

– По дороге сюда мы встретили Брайана, – пустился в объяснения Фред, – бедняжка выглядит так, будто живет во флешбэках Вьетнама.

– Ради бога, я думал, у меня родители с причудами, но до О'Нилов им еще очень далеко, – усмехнулся Питер, играя с зубочисткой во рту.

– В чем дело?

– Как оказалось, его судьба пошла наперекосяк потому, что он созвал всех на вечеринку в пятницу, когда приходит почта.

– Почта приходит по воскресеньям, – недоверчиво уточнила Кэтрин.

– Так мы говорим не о среднестатистической семье, а про О’Нилов, – чуть ли не снисходительно пояснил Питер, – понимаете, им в пятницу принесли какую-то важную почту. Конверт все время валялся на столе вместе с прочей лабудой типа ключей от гаража и тому подобного. Но после вечеринки пропал. Сотня долларов так и лежит под вазой, а конверта как и не бывало.

Кэтрин и Анна ойкнули, Моника как можно незаметнее толкнула в плечо сначала одну, потом вторую, буркнув:

– Кошмар…

– Брайан теперь под домашним арестом и, кажется, на некоторое время в качестве домработницы.

– Из-за конверта? – уточнила, сглотнув, Анна.

– Ага. Брайан сказал, родители его ждали где-то несколько месяцев, а когда получили, были очень рады, прочитав, что внутри. А тут его стащили у них из-под носа! Сам Брайан в это время после поражения в карты на раздевание плавал голышом в бассейне среди своих зимних вещей.

– Но, если им столь важен этот конверт, почему они не объявили о его пропаже, не заявили в полицию? Это же О’Нилы, ради них тут все перевернули бы вверх дном.

– А это, малышка Моника, самое интересное, – прикоснувшись кончиком пальца к ее носу, пропел Фред, – они не хотят афишировать пропажу конверта. И зная,

какой репутацией обладают мистер и миссис О’Нил, их работу и связь с правительством, остается только гадать, что же там было внутри.

– И Брайан просто взял и вывалил вам это? – не веря своим ушам, спросила Анна.

– Видишь ли, несмотря на высокие баллы для поступления в лучшие университеты страны, он не всегда говорит, что надо и кому надо, – улыбнулся Алекс, демонстрируя милые ямочки на щеках.

В то время как Анна устроила форменный допрос «французам», пытаясь узнать что-то стоящее, у нас с Моникой была немая борьба – знание о судьбе злополучного конверта, забытого за чередой мрачных событий, не давало покоя.

Где-то вдалеке прогремели раскаты грома, после которых Лили сладким голосом обратилась к «французам»:

– Не пора ли нам уже? Если мы хотим сделать сегодня то, что планировали.

Парни замешкались, после чего решительно начали собираться.

– Нам и вправду надо идти, есть кое-какие дела, – напустив загадочности, сказал Фред.

– Секреты? – мило улыбнулась Кэтрин.

– Если дела пойдут по плану, вы все узнаете уже послезавтра, – примирительно подмигивая, ответил Алекс, – а насчет встречи мы еще точно договоримся.

Мы закивали, безуспешно пытаясь скрыть нервные поглядывания на Лили – вряд ли провести с нами последний вечер лета было пределом ее мечтаний, да и нам самим ее общество было в тягость.

Заметив такой настрой, Лили засмеялась:

– Приходите, я по средам не кусаюсь.

Мы распрощались, Алекс пожал мне руку, лукаво глядя в глаза, и ребята вышли на улицу, где играл теплый ветер.

– Ага, не кусается она, а как же, собака сутулая, – недовольно проворчала Моника, с неприязнью глядя на удаляющуюся с парнями Лили.

Я же, не в силах больше сдерживать эмоции, повернулась к Анне.

– Прошу, скажи, что конверт все еще у тебя.

Анна беспокойно сцепила пальцы перед собой, быстро перебирая ими, лихорадочно шарила глазами по столу.

– Да, должен быть. После той ночи я не вспомнила о конверте ни разу. Убийство Эмбер напрочь вынесло его из моей головы…

– Мне не нравится твой неуверенный тон, – всматриваясь в подругу, сказала Моника.

– Если мама не устраивала субботней стирки и не добралась до джинсов… то конверт должен лежать в переднем кармане. Но я сомневаюсь, что в тот день она занималась делами по дому.

– Чего гадать, нужно пойти и найти его, – уже вставая, сказала Кэтрин, когда я приостановила девчонок:

– Стойте… если он на месте… не лучше бы его вернуть мистеру и миссис О'Нил?

Девочки сели назад на свои места, явно засомневавшись в моем здравом уме.

– Я лишь хотела сказать, Анна украла важную вещь у серьезных людей, не лучше ли вернуть ее, пока не поздно?

– Уже поздно, – удивляясь тому, что приходится объяснять простые вещи, сказала Моника, – мы же не пойдем к ним с фразой а-ля «Анна тут кое-что у вас взяла, но мы забыли об этом и теперь хотим вернуть»? Или, как в детективах, попытаемся подкинуть конверт назад? О, или, может, сказать, что мы случайно,

прогуливаясь, нашли конверт в «Бетти Буп»?

Я попыталась как можно спокойнее донести свою мысль:

– То, насколько конверт, оказывается, важен им, совершенно меняет дело. А вдруг… а вдруг он как-то связан с убийством Эмбер?

– Тогда на ее месте должна быть я, ведь не Эмбер его стащила! – резко оборвала меня Анна, и я, испугавшись, что все выглядит так, будто я пытаюсь в чем-то ее обвинить, вздохнула:

– Девочки, у меня создается впечатление, что о той ночи мы знаем меньше всех. А варианты того, как оно было на самом деле, бесконечны. О’Нилы переживали за кражу конверта больше, чем за убийство в их доме…

– Я бы с тобой согласилась, правда, есть одно «но», которое все перечеркивает, – и, оглянувшись на нас, Анна продолжила: – При их возможностях они бы за два дня уже вычислили, куда делся конверт с вечеринки.

– Это не означает, что нам ничего не грозит.

– Элисон, О’Нилы не гангстеры из Чикаго.

– В любом случае дело уже сделано, – примирительно заключила Кэтрин, – конверт у Анны… надеемся, что у нее. Давайте глянем, а потом решим, что с ним делать.

– Неужели тебе не интересно, почему так переполошились О’Нилы? – коварно улыбнувшись, как совсем недавно делала Эмбер, спросила Анна.

– Интересно, но если это и впрямь как-то связано с Эмбер…

– Так это нам только на руку! – заявила Моника. – Ты что, забыла? Мы ради хоть какой-то информации в отчетах для шерифа копаться будем.

Крыть данный козырь было нечем. Поблагодарив мистера Робинса, мы покинули «Бетти Буп» и уже через пятнадцать минут были у дома Анны.

Небо сверкало молниями, грозясь расколоться от грома, а ветер был уже не столь теплым, как час назад. Туман еще клубился по улицам Эмброуза, но скоро ему на смену придут осенние дожди.

Пальцы Анны дрожали так, что она трижды уронила ключи, и тогда Кэтрин по-хозяйски отобрала их, открыв дверь за долю секунды. Мы побежали на второй этаж в комнату Анны – ее мамы дома не было, и мы, нескромно выражаясь, поторапливали друг друга.

– Должно быть где-то здесь, – бормотала Анна, копаясь в шкафу и вываливая одежду наружу.

Мы сидели на кровати, затаив дыхание.

– На месте! – победно гаркнула Анна, вскинув руку с добычей.

Прежде чем открыть конверт, мы как следует оглядели его: плотная бумага сероватого цвета, без указания адресата и получателя. Только маленькое изображение красно-белого маяка в нижнем правом углу отличало его от обычного конверта.

– Что бы это могло значить? – удивленно спросила Моника.

– Неважно, – отмахнулась Анна, впервые в жизни так заблуждаясь.

Конверт уже был распечатан до нас О’Нилами, но мы все равно сжимали зубы, глядя, как Анна с ним возится. Вскоре нашим глазам предстал лист бумаги, на первый взгляд совершенно чистый.

– Это что еще за издевательство?! – возмутилась Анна, но после, сощурив глаза, прочитала ту единственную строку, напечатанную мелким шрифтом:

«Б. О. О’Нил в списках за 21.08.2002 не обнаружен».

Мы перечитали слова по два-три раза, в недоумении передавая друг другу листочек.

– Что ж, по крайней мере, одно стало ясным, – в некотором разочаровании протянула Кэтрин, – почему О’Нилы не заявили о пропаже.

– Да. Если лист бумаги и важен им, то терять голову, поднимая город на ноги, не стоит, – согласилась Моника. – Кроме них самих, смысл напечатанного совершенно непонятен непосвященному человеку.

– Умно, – подытожила я.

– И все же… они ждали эту информацию несколько месяцев. Видно, О’Нилам на самом деле очень важно, есть Брайан в тех списках или нет.

Я повернулась к Анне – та была неправдоподобно тихой. Только смотрела на конверт, хмурясь, обдумывая что-то:

– А ведь знаете, эта дата… я где-то раньше слышала о ней или читала…

После чего прикусила губу, вскочила, села за свой стол, попутно включая ноутбук.

– Никак не могу вспомнить, – бормотала она, вводя в поле поиска загадочные цифры.

Ее манипуляции ни к чему не привели – в графе «результаты» было совершенно пусто.

– Но как же так, – удивилась Кэтрин, – неужели в интернете совершенно нет никаких совпадений по указанной дате?

– Я точно знаю, что встречаю ее не первый раз… 21.08.2002… Ладно, собираемся.

– Куда?

– В библиотеку.

Нам оставалось лишь молча следовать за ней.

Городская библиотека находилась за старым кинотеатром. Конверт мы взяли с собой, спрятав у Кэтрин в сумочке. Пару раз порывы ветра чуть не снесли нас по дороге, а мелкий дождь, который только начал моросить, намекал, что так просто мы не отделаемся.

В библиотеке пьяняще пахло старыми книгами. Нескончаемые ряды шкафов с книжными томами уходили далеко вглубь здания, лампочки неуверенно мигали. Время текло здесь совершенно по-другому, почему-то отчетливо чувствовалось, что спешить некуда.

Анна нажала на круглый серебряный звоночек у стола отсутствующего библиотекаря. К нам из дверей напротив вышла невысокая полная женщина, она узнала Анну и добродушно поинтересовалась:

– Здравствуй, чего тебе не гуляется перед школой?

Анна проигнорировала вопрос, буркнув:

– Где мистер Уайт?

Прозвучало более чем недружелюбно, но женщина понимающе кивнула:

– Ему нездоровится. Передам, что ты приходила.

– Вечно с ним так летом, – пробормотала Анна, все еще сверля взглядом пустое кресло с красным пледом, после чего, тряхнув головой, попросила: – Миссис Лорен, мне нужны статьи школьной газеты за 2002 год.

Моника позади меня обреченно вздохнула.

Если миссис Лорен удивилась, то не подала виду, молча пройдя за высокие стеллажи. Вернулась с потрепанными подшивками достаточно быстро.

– Постарайтесь аккуратней, – не очень строго, но с нажимом попросила она.

Заверив ее, что лишний раз дышать на листки не будем, мы уединились за самым крайним столиком в конце библиотеки. Стулья скрипели, лампа зажглась с третьего раза. Мы же, разложив перед собой на столе ветхие подшивки, скрупулезно начали выполнять поручение Анны.

– Разрази меня гром, если я не здесь об этом читала, – говорила она. – Я помню эту дату, но, как видите, в интернете о ней ничего нет. Странно, но не смертельно – если происходило что-то на самом деле важное для Эмброуза, редакция школьной газеты точно не обошла ситуацию вниманием.

– А можно поинтересоваться, зачем ты перечитывала школьные газеты семнадцатилетней давности? – не без иронии спросила Моника.

Анна смерила ее суровым взглядом.

– Потому что так мне будет легче стать лучшим редактором газеты за все существование школы: знания не только сила, но и власть, а сейчас, когда бразды правления находятся у Кимберли, мы читаем лишь ироничные статьи про похождения старшеклассников. В конце колонки не хватает только «я знаю, вы любите меня, целую, ваша Сплетница». Раньше разоблачения школьных скандалов напоминали политические дебаты, а теперь что…

Моника закатила глаза, перед этим спрятав лицо за одной из подшивок.

– Нам нужна статья за сентябрь, но лучше просмотреть все…

И мы принялись искать нужную нам информацию в далеком призрачном прошлом Эмброуза. Я часто отвлекалась: казалось, кто-то прожигает колючим взглядом мой затылок, я то и дело оборачивалась к книжным полкам, они закрывали нас от глаз тех, кто находился в другом конце библиотеки. Глупости, конечно, но сумеречная дымка среди белого дня в библиотеке влияла на меня каким-то странным образом.

– Я нашла! Нашла!

– Кто бы сомневался, что это будешь ты, – едва слышно сказала Моника.

– А это потому, – хмыкнула Анна, – что никто никогда не принимает во внимание школьную газету, а именно она часто бывает самым ценным источником информации.

И довольная собой, она важно помахала перед нами самой тощей подшивкой.

Мы втроем придвинулись как можно ближе к Анне, а она, нахмурившись, пробежала глазами текст, явно не в восторге от того, что там было написано, после чего принялась полушепотом объяснять:

– Как же я могла такое забыть… семнадцать лет назад, в ночь на двадцать первое августа, в больнице Эмброуза случился нешуточный пожар – начало гореть левое крыло, в котором было размещено родильное отделение…

– О Господи! – ужаснулась я.

Девочки шикнули на меня, а Анна продолжила:

– К счастью, пламя не успело разбушеваться вовсю – какой-то прохожий заметил языки огня и вызвал пожарных. Пожар удалось потушить в рекордные сроки, никто не пострадал: ни те, кто лежал с новорожденными, ни те, кто был на сохранении или уже на сносях. Дальше провели небольшое расследование, в ходе которого причиной пожара сочли устаревшую проводку. Кого надо оштрафовали, беременных и новоявленных матерей переместили на второй этаж подальше от левого крыла, ремонт сделали достаточно быстро за городские налоги, все живы и счастливы… а, вот, смотрите! Там в это время лежали родственники и близкие учащихся, список прилагается…

Лицо Анны вытянулось, она тревожно начала перечитывать про себя.

– Что там? – в предчувствии чего-то плохого мы обеспокоенно потянулись за старой школьной газетой, но Анна увернулась и виновато продолжила:

– Мамы Брайана, Дэвида и Фреда лежали на сохранении в ту ночь… новорожденные Алекс с Питером были выписаны на следующий день. Миссис

Палвин с Кимберли уехали за день до инцидента…

Анна в замешательстве уставилась на нас.

– Страшно подумать, что было бы, не заметь случайный прохожий пожар.

Мурашки ужаса пробежались по всему моему телу.

– Как о таком случае не может быть никакой информации в интернете?

Моника покачала головой:

– Словно просто попытались уничтожить всю информацию о пожаре, да только про несчастную школьную газету забыли.

– Но ведь родители ребят уж наверняка все помнят, зачем тогда такие махинации?

– Думаю, стоит спросить у наших родителей, они наверняка помнят этот случай, может, хоть что-то объяснят.

У меня зародились сомнения по поводу родительских откровений, но вслух я сказала совершенно другое:

– Смотрите, в конверте написано, что Брайана О’Нила в списках нет, в то время как его фамилия упоминается среди потенциальных пострадавших.

– Может, говорилось о других списках? – предположила Кэтрин.

– Да сколько их тогда! – возмутилась Анна. – По крайней мере, это никак не связано со смертью Эмбер, что бы там ни происходило у О’Нилов. Ее еще даже в проекте не было, она родилась спустя два года.

Я чувствовала что-то вроде разочарования. Кажется, я на самом деле надеялась, что это как-то связано с Эмбер и мы хоть на один шаг приблизимся к разгадке ее смерти. С другой стороны, история с конвертом и пожаром вызывала бурю

эмоций – здесь явно что-то было, но мы не располагали достаточной информацией. Или, как всегда, не видели того, что у нас перед носом?

– Итак, давайте подведем итоги, – устало провела ладонью по лицу Анна. – Два дня назад Брайан устраивает вечеринку, куда нас уговорила прийти Эмбер в надежде увидеться с парнем. Что-то идет не так, ее убивают. В тот же день О’Нилам приходит важный конверт, где сказано, что Брайана нет в списках за дату, когда случился пожар в больнице. В то же время Брайан как раз в списках есть. О самом пожаре можно узнать, только если поднять архивы старых газет семнадцатилетней давности, о чем додумается не каждый. Получается… – Анна раздраженно вздохнула, – еще одна загадка на наши головы.

– Как по мне, так стало только непонятнее, – по привычке накручивая прядь платиновых волос на указательный палец, сказала Кэтрин. – Предлагаю расспросить о пожаре родителей.

Пока девочки продолжали вяло переговариваться, я в расстроенных чувствах вызвалась сдать подшивки.

Миссис Лорен на месте библиотекаря не было. Мне ничего не оставалось, как облокотившись о стол ждать ее прихода. На столе в хаотичном порядке лежали абонентские карточки – в отсутствие знакомого Анны наводились порядки. Равнодушно мазнув по ним взглядом, я встрепенулась, наткнувшись на знакомое имя…

…Багровый том приземлился прямо по центру стола.

– Когда я просила подтянуть меня по физике, то не имела в виду сегодня, Элисон! – испуганно отпрянув от учебника, воскликнула Кэтрин.

Проигнорировав ее выпад, я села на свое место, с некоей обреченностью вводя подруг в курс дела:

– Летом эта книга стала любимой у Эмбер. Она брала ее систематически на протяжении трех месяцев.

– Эмбер и физика? – скептически выгнула бровь Моника.

– Не проще скачать с какого-то сайта, чем бегать сотни раз в библиотеку?

Я вопросительно посмотрела на Анну, надеясь, что она знает то, что неизвестно нам. Так и вышло. Взяв книгу в руки, девушка задумчиво принялась ее листать.

– «Квантовый номер» в интернете вы не найдете. Вернее, полную версию. Разве что купите электронный вариант за деньги целиком и сразу. Блажь автора.

– Верится с трудом. Неужели никто не залил книгу в свободный доступ?

– Получается, нет. Видите ли, сказать, что она не популярна, – ничего не сказать. Джим Уолтер даже физиком не является, а взялся за написание такой сложной литературы. Не знала, что у нас в библиотеке и такое чтиво найдется.

– Почему вы не задаете главный вопрос? – Моника возмущенно подняла брови. – Зачем Эмбер вообще сдалась эта книга?

– Откуда мы знаем? Все четыреста страниц автор утверждает, что число 21 – временной портал в прошлое. Эмбер последняя, кого могла заинтересовать подобная тема.

– Только если она не брала ее для кого-нибудь другого.

– Стойте! – Я в изумлении перехватила у Кэтрин листок из злополучного конверта. – В списках значится число 21!

– Мы не будем воспринимать «Квантовый номер» всерьез! – отрезала Анна.

– Но почему-то Эмбер бегала за книгой целое лето!

– Поговорим на следующей неделе с мистером Уайтом, главным библиотекарем. Наверняка он в курсе интересов Эмбер. Или вы уже готовы поверить в тайный смысл числа 21? Тогда можете сразу создать фан-клуб Джима Уолтера, ведь это именно то, что он проповедует.

Анна выглядела непреклонной, девочки озадаченными, а я даже не знала, что теперь думать: вера в обычные совпадения никогда меня не покидала, вот

только тень вечеринки Брайана вырисовывала странный силуэт вокруг всего происходящего.

Поблагодарив миссис Лорен, мы вышли на улицу. Разговаривать не хотелось, спорить тем более.

– Пришли за ответами, уходим с вопросами, – напоследок тяжело вздохнула Кэтрин.

* * *

Проснувшись на следующий день, я скептически смотрела на свое отражение в зеркале, категорически отказываясь его принимать. Утопая в тяжелых мыслях, надела джинсовый комбинезон и спустилась к маме на кухню выпить чаю. С Кэтрин мы договорились встретиться в час дня напротив городской больницы, значит, время побездельничать еще найдется.

– Что с настроением, куда собираешься? – доставая морепродукты из морозилки, спросила мама.

– Все нормально. Идем с Кэтрин к миссис Сандерс на работу. За справкой.

А вот тут я была молодцом – не совравши, утаила главное.

Мама как-то недоверчиво хмыкнула, тут же повернувшись спиной, чтобы достать сковороду, а я озвучила вопрос, который не успела задать вчера:

– Кхм… мам, а ты знаешь про пожар в городской больнице семнадцать лет назад?

Так и не поворачиваясь ко мне, мама продолжала энергично греметь посудой.

– Ну, был пожар, да ничего серьезного. О нем вовремя сообщила свидетельница, никто не пострадал. Почему вдруг спрашиваешь?

Такой же ответ от своих родителей получили и девочки, притом чуть не дословно. Интересно.

Я небрежно пожала плечами.

– Да так, услышала случайно. Хотела в интернете почитать, а о нем там ни слова. Как-то дико, не находишь?

Мама наконец-то повернулась к столу, за которым я сидела, сложила перед собой руки.

– Элисон, каждый город со своими причудами. Вот только Эмброузу по части странностей равных нет.

Ни ее тон, ни выражение лица мне не понравились, так же как, собственно, ответ на простой вопрос. Но мама, посчитав, что тема закрыта, попросила передать мне ее чашку с недопитым кофе. Кофе и сигареты – без них свою мать я не представляла. Как и не представляла того, чем обернется наш с Кэтрин поход в больницу.

В Кэтрин бесило не то, что она приходила не вовремя, а то, как непринужденно себя вела, опоздав минут на двадцать. Вот и сейчас, мечтательно глядя на витрины и подставляя лицо солнечным лучам, она не спеша тащилась мне навстречу.

– Привет, – с затуманенным взором поздоровалась она.

– Привет, – процедила я сквозь зубы, – еще позже прийти не могла?

– Ты что, мы ведь тогда опоздали бы!

– Ладно, пошли, – взяв подругу под локоть, я потащила ее через дорогу, где уже с минуты на минуту должны были появиться миссис Сандерс и миссис Питерсон. – Девочки у Анны?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/blek_ketrin/tayna-moniki-dzhons

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити